

ФРАНЦ ФОН ПАПЕН

Вице-канцлер Третьего рейха.
Воспоминания политического
деятеля гитлеровской Германии.
1933-1947

Франц фон Папен
Вице-канцлер Третьего рейха.
Воспоминания политического
деятеля гитлеровской
Германии. 1933-1947
Серия «За линией фронта. Мемуары»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=610085

Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. 1933– 1947 / Пер. с англ. М.Г. Барышникова.:

Центрполиграф; М.; 2005

ISBN 5-9524-1911-9

Аннотация

Франц фон Папен, офицер Генерального штаба, политик и дипломат, рассказывает о своей деятельности в Соединенных Штатах накануне и во время Первой мировой войны. Он рисует подробную картину упадка Веймарской республики и указывает причины, вынудившие его сотрудничать с Гитлером, особенно подчеркивая свое открыто критическое отношение к нацистскому режиму. Хотя российскому читателю фигура этого политика представляется достаточно спорной, мемуары Франца

фон Папена являются одной из важнейших литературных работ в Германии в послевоенный период.

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	32
Глава 3	59
Глава 4	104
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Франц фон Папен Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. 1933– 1947

Если Судьба удалила тебя от первостепенного положения в Государстве, тебе должно не сдавать своих позиций и помогать словами, если же тебе заткнут рот, ты все равно обязан не сдавать своих позиций и помогать в молчании. Услуги доброго гражданина никогда не бывают бесполезными: он помогает тем, что его видят и слышат, помогает выражением своего лица, своими жестами, своим упрямством, наконец – самой своей походкой.

Сенека. Спокойствие Разума

Часть первая

От монархии к республике

Глава 1

Ранние годы

*Трудности написания автобиографии. – Солевары из Вер-
ля. – Кадет, придворный паж и офицер. – Увлечение сти-
пель-чезом. – Посещение графств центральной Англии. – Же-
нитьба. – Генеральный штаб. – Неожиданное назначение. –
Беседа с императором*

В наши дни на рынке имеется переизбыток мемуарной ли-
тературы. Апокалиптический период истории, который мы
недавно миновали, привел к тому, что множество самых раз-
ных людей предприняло попытки осознать хотя бы некото-
рые из причин и следствий событий недавнего прошлого и
свою собственную в них роль. У меня нет желания оказаться
в рядах тех, кто стремится лишь оправдать свои ошибки и
провалы.

Историческое развитие является продуктом взаимодей-
ствия самых разнообразных сил – как добрых, так и злых, –
действующих в среде различных народов. Я написал этот

рассказ о жизни в промежутке меж двух эпох потому, что роль Германии в событиях этих пятидесяти лет может быть понята только в контексте непрерывности исторического процесса – соображение, совершенно неизвестное большому числу моих соотечественников и не признаваемое многими современниками за границей. Полагаю, что заслуживаю того, чтобы моя деятельность рассматривалась именно на таком фоне.

Как кажется, моя биография в весьма значительной степени была уже за меня написана, и потому, возможно, для прояснения всех обстоятельств потребуются усилия, превосходящие мои возможности. Несколько биографий и бесчисленное количество рассказов, вышедших в пылу пропагандистских баталий за время двух мировых войн, рисовали меня во всех мыслимых обликах. Меня изображали и как супершпиона, человека-загадку, и как политического интригана и заговорщика, и как двуличного дипломата. Меня называли бестолковым путаником и наивным джентльменом-наездником, неспособным уловить истинный смысл политической ситуации. Обо мне писали как о зловредном реакционере, который сознательно работал ради прихода к власти Гитлера и поддерживал нацистский режим всеми имевшимися в его распоряжении средствами. Мне приписывали роль главного архитектора захвата Австрии и называли проводником агрессивной политики Гитлера в бытность мою послом в Турции в ходе Второй мировой войны.

В самом деле, мои личные обстоятельства изменялись со временем весьма значительно, и, когда я размышляю над некоторыми из парадоксов, которыми была обставлена моя жизнь, то понимаю, какой восхитительный объект для работы пропагандистских машин я собой представлял. Я прошел в жизни все стадии – от канцлера своей страны до военного преступника на скамье подсудимых Нюрнбергского процесса, находившегося под обвинением, грозившим смертным приговором. Я служил своей родине без малого пятьдесят лет и провел половину времени после Второй мировой войны в тюрьме. Меня обвиняли в пособничестве Гитлеру, однако его гестапо всегда числило меня в своих ликвидационных списках и уничтожило нескольких моих ближайших сотрудников. Лучшую часть своей жизни я был солдатом, храмым на полях многих битв каким-то благосклонным ангелом, – и все для того, чтобы только чудом избежать смерти от рук наемного убийцы, вооруженного русской бомбой.

Эти парадоксы можно продолжать и далее. Будучи убежденным монархистом, я был призван служить республике. Человек, придерживавшийся по традиции консервативных воззрений, я был заклеен как приспешник Гитлера и поклонник его тоталитарных идей. По воспитанию и собственному опыту сторонник истинных социальных реформ – приобрел репутацию врага трудящихся классов. Благодаря семейным связям и по своим убеждениям искренний побор-

ник франко-германского *rapprochement*¹, я был свидетелем того, как обе страны доводили друг друга до полного истощения в битвах двух мировых войн. Всегдашний сторонник исключительно мирного разрешения австро-германской проблемы, вызывавший тем самым ярую ненависть со стороны австрийских нацистов, я был обвинен в организации гитлеровского аншлюса. Боровшийся всю свою жизнь за прочное положение Германии в Центральной Европе, я был вынужден наблюдать поглощение половины территории своей родины восточным деспотизмом. Будучи ревностным католиком, я в конце концов был объявлен прислужником одного из самых безбожных правительств современного мира. Я не питаю никаких иллюзий относительно той репутации, которую имею за рубежом.

Теперь, когда я впервые в своей жизни имею достаточно свободного времени, чтобы дать отчет обо всех этих событиях, я оказываюсь едва ли не единственным оставшимся на этом свете из тех, с кем я был связан в прошлом. Трудно придумать обстоятельства более тяжелые и обескураживающие для выполнения такой работы. Личные бумаги и общественные архивы, которые в обычных обстоятельствах могли быть предоставлены в распоряжение человека в подобном случае, от меня закрыты. Мой собственный архив был захвачен той или другой из союзных держав или же уничтожен на финальной стадии войны. В результате, чтобы освежить воспомина-

¹ Сближение, гармоничное сотрудничество (фр.). (Примеч. пер.)

ния и придать им ясность, я часто вынужден полагаться на свою память, на газетные вырезки или на любезную помощь друзей.

Позвольте мне подчеркнуть, что эта книга написана не в целях самооправдания. Я совершил в жизни много ошибок и не раз приходил к ложным выводам. Однако я обязан ради собственной семьи исправить хотя бы некоторые из наиболее оскорбительных для меня искажений действительности. Факты, при беспристрастном их рассмотрении, воссоздают совершенно иную картину. Тем не менее не это является моей основной задачей. На закате жизни, которая растянулась на три поколения, я озабочен более всего тем, чтобы поспособствовать большему пониманию роли Германии в событиях этого периода.

По-видимому, очень немногие понимают, до какой степени режим Гитлера являлся естественным следствием карательных статей Версальского договора. Потребовались десятилетия, чтобы по крайней мере только историки пришли к выводу о том, что утверждение об исключительной вине Германии за Первую мировую войну попросту не выдерживает критики. Многие годы немцы были вынуждены трудиться в условиях экономической трясины, порожденной репарациями. Лучшие перья, нежели мое, уже описывали моральные и физические страдания, вызванные в двадцатых годах массовой безработицей, и пролетаризацию средних классов в результате инфляции и падения христианских ценностей.

Приход к власти Гитлера и его движение являлись в первую очередь реакцией на безнадежность существования. За подобное положение дел в Германии державы-победительницы должны нести справедливую долю ответственности.

Гитлер стал канцлером при поддержке почти сорока процентов германских избирателей. Бессмысленно полагать, что его приход к власти был вызван интригами кучки «промышленников, милитаристов и реакционеров», как это предпочел сформулировать в своем приговоре Нюрнбергский трибунал. Политические партии веймарского периода, все без исключения, от левого крыла до правого, должны взять на себя свою долю ответственности. Вместо того чтобы сваливать свою вину на других, следует признавать собственные ошибки для того, чтобы избежать их повторения.

Мы все являемся продуктом окружающей нас обстановки. Коль скоро я собираюсь дать описание своей деятельности на фоне исторических событий, в которые я со временем оказывался все более вовлеченным, возможно, мне будет позволительно дать короткий отчет о своих ранних годах. Этот отчет, вероятно, будет мало отличаться от воспоминаний любого другого человека моего происхождения и воспитания, но, поскольку я могу, по крайней мере, настаивать на неколебимости своих консервативных убеждений на протяжении всей жизни, не будет вреда в том, чтобы проследить их истоки в давно исчезнувшем мире.

Мое семейство происходило из городка Верль, непода-

леку от Зоста, расположенного в западногерманской земле Вестфалия. На протяжении столетий мы принадлежали к маленькой группе наследственных солеваров, имевших право разрабатывать местные колодцы с соляным раствором. Во времена Средневековья соль была важным товаром, и эти семьи вольных солеваров появляются еще в хрониках восьмого столетия. Наша семья впервые упомянута по имени в указе графа Годфрида III Арнсбергского в 1262 году, а в 1298 году некий Альберт Папе был подтвержден городом Верль в своих, по-видимому, давних правах на соляные колодцы. Эти колодцы наверняка разрабатывались во времена Карла Великого, а поле на территории нашей усадьбы, где мы детьми имели обыкновение играть, составляло часть так называемого Regedem – от Regum Domus², – где король Генрих Соколиный Охотник имел обыкновение охотиться в десятом столетии.

Хотя ранние свидетельства носят отрывочный характер, мы можем проследить наше происхождение по прямой линии от Вильгельма фон Папена, который умер в 1494 году, будучи мэром Верля и владельцем близлежащей усадьбы Кёнинген. Помещичий дом оставался с тех пор непрерывно во владении нашей семьи, и его последним хозяином был мой старший брат. Местная приходская церковь, построенная в 1163 году во времена правления Генриха Льва, дает красноречивое свидетельство о пользе, на протяжении столетий

² Царские владения (лат.). (Примеч. пер.)

принесенной моей семьей приходу. Наши права и наши обязанности охранялись столь же ревностно, как и исполнялись, и потому в 1900 году я сам, в часовне этой маленькой церкви, принес формальную клятву поддерживать наши хартии и привилегии. К тому времени они превратились по большей части в традицию, поскольку соляные колодцы иссякли в результате промышленной революции, когда шахты изменили направление подземных потоков.

Основу моего воспитания составляли старинные предания и традиции. Члены нашего семейства на протяжении столетий служили Священной Римской империи и архиепископству Кельнскому. Когда старая империя распалась под ударами Наполеона, семья сохранила верность императору в Вене, и, когда в 1934 году настал мой черед внести свой вклад в историю германской нации в качестве посла в Австрии, я чувствовал себя продолжателем старинной традиции. Наши связи с Пруссией относятся к значительно более позднему времени. Мой отец, родившийся в 1839 году, участвовал в войнах 1864, 1866 и 1870 годов, которые привели к объединению германских государств в рамках политики Бисмарка.

Он служил офицером в Дюссельдорфском уланском полку, но ко времени моего рождения уже вышел в отставку, чтобы управлять своим скромным имением. Я посещал местную сельскую школу и провел несколько лет в тесном контакте с деревенской природой и простыми, но достойны-

ми восхищения окрестными жителями. Здесь не было и намека на классовые различия. Моим первым школьным другом был сын плетельщика корзин. Когда меня в раннем возрасте спросили, кем бы я хотел стать в жизни, у меня, как кажется, не было иных мыслей, кроме желания стать солдатом, причем, вопреки преждевременно сделанному многими из моих читателей выводу, вовсе не потому, что я был воспитан упрямым и высокомерным пруссаком, а оттого, что страстно любил лошадей. Эта любовь осталась у меня на всю жизнь. В действительности в нашей семье было очень мало прусского. Моя мать была родом из Рейнских провинций, и многие наши родственники жили в южной Германии. Кроме того, поместье отходило к моему старшему брату, и это означало, что мне, чтобы обеспечить себя в жизни, предстоит стать государственным служащим или солдатом или же приобрести одну из «свободных» профессий – юриста, врача или священника. Моя мать не была склонна прислушиваться к моему мнению, но я был настойчив, и в апреле 1891 года я был принят на учебу кадетом.

Я имел весьма слабое представление о спартанском характере профессии, которую я для себя выбрал. Мы спали на походных койках, громадные сводчатые комнаты старого замка Бенсберг не отапливались даже зимой, наша пища состояла в основном из похлебки и хлеба. То было суровое вступление в жизнь для одиннадцатилетнего мальчика, но, как видно, оно мне совершенно не повредило. Я рос здоровым и счаст-

ливым и выработал привычку к упорному труду и самодисциплину, которую сохранил на всю жизнь.

Во внешнем мире утвердилось превратное представление об империалистических и агрессивных традициях, прививавшихся в германской армии. Могу только сказать, что ничего подобного в моей памяти не сохранилось. Наше воспитание и обучение были в основном такими же, как и те, что существуют в аналогичных заведениях других стран. Нашей единственной заботой было оборонить недавно обретенное единство Германии от внешнего нападения. Понятие «агрессивный милитаризм» есть просто удобная формула, имеющая очень мало общего с действительными фактами. Когда я был переведен в Берлин для прохождения последних двух лет обучения, кадетские корпуса дважды в год принимали участие в параде гвардейских полков в присутствии императора. Это было волнующее зрелище, когда перед главнокомандующим парадом проносили истрепанные штандарты прославленных полков, но не думаю, чтобы дело обстояло сколько-нибудь иначе в любой другой стране с крепкими воинскими традициями.

Весной 1897 года я, в числе девяноста (из общего числа шестисот) выпускников, которые закончили учебу с достаточно высокими оценками, был оставлен для продолжения обучения в классе *Selekta*. Это означало подчинение жесткой дисциплине в кадетском корпусе еще в течение года, но также давало шанс поступить в число императорских па-

жей и быть произведенными в офицеры на полгода раньше наших менее удачливых товарищей. Пажей выбирали придворные чиновники по фотографиям, и то, что я оказался в небольшой группе счастливицов, дало мне возможность близко познакомиться с королевским³ двором. В своих мундирах восемнадцатого столетия мы сопровождали императора во время церемоний открытия рейхстага или прусского ландтага⁴, королевских смотров или актов пожалования наград. Здесь и на придворных балах я приобрел прочное представление о пышности и церемонности монаршего двора. Мы сталкивались лицом к лицу и выдающимися фигурами кайзеровской империи – военными и политиками, такими как Гейдебрандт, вождь консерваторов и «некоронованный король Пруссии», Беннигсен, глава либералов и лидер влиятельной партии центра. Никак не думал я тогда, что однажды мне предстоит идти по их стопам.

Оборачиваясь назад, к впечатлениям своей юности, я благодарю судьбу за то, что мне пришлось увидеть Германскую империю в расцвете ее могущества и величия. Династия Гогенцоллернов была вынуждена уступить место республике, которая, в лучшем случае, имела лишь неглубокие корни, и процессы, в ней происходившие, никогда не были до кон-

³ Император являлся одновременно королем Пруссии. (*Примеч. пер.*)

⁴ Пруссия, подобно прочим союзным германским государствам, имела собственный парламент, ландтаг, обыкновенно называвшийся прусским сеймом. (*Примеч. авт.*)

да поняты. Германскому народу, воспитанному в монархических традициях повиновения власти и сохранения чувства ответственности, предстояло узнать, насколько беспардонно эти его свойства могут быть использованы беспринципными руководителями. Если бы нам было позволено сохранить институт монархии, никогда не возникло бы ничего подобного режиму Гитлера. Если бы президент Вильсон и его советники больше знали Европу и лучше представляли исторические процессы, участвовавшие в ее формировании, нам была бы дана возможность выработать свою собственную форму современной демократии вместо навязанной извне парламентской системы, которая к 1932 году низвела себя до совершенного абсурда.

В настоящее время в восточном секторе Берлина королевский дворец срыт до основания, а место, где он находился, отмечено лишь красным флагом азиатского порабощения. Я не могу поверить, что это является необратимым решением Истории. Центральная Европа возродится однажды как бастион западной мысли и восстанет против нашествия тоталитарных идей. Но это возможно лишь при условии, что политическое возрождение Германии будет основываться на принципе власти, опирающейся на веру в Бога. Воплощение этого принципа на практике я видел на рубеже столетия в великие дни монархии.

По окончании моего офицерского курса я явился в качестве младшего лейтенанта в воинскую часть, где когда-то

служил и мой отец, — в 5-й Вестфальский уланский полк. В то время Дюссельдорф был значительным культурным центром. В офицерском резерве полка значились не только такие имена, как Ганиель, Пёнсен, Карп, Ге́йе и Тринкгауз — отпрыски семей богатых промышленников, но также и представители артистической среды, такие как Эдер, Эккенбрехер, Рёбер и Матюс. Знаменитый «Малкастен», которым художники пользовались как своего рода клубом, видел работы Петера Корнелиуса, Вильгельма фон Шадова, Арнольда Бёклина и многих других. В качестве гостя там бывал Гете. Это был один из наиболее значительных центров романтической традиции, и я вспоминаю, как годы спустя, оказавшись в Вашингтоне, я озадачивал некоторых из своих американских друзей именем художника Эммануила Лётце, одного из основателей «Малкастена». Когда они отвечали, что ничего о нем не слыхали, никакого труда не стоило выиграть у них пари, предлагая доказать, что одна из его работ должна быть им хорошо известна. И действительно, ведь он — тот самый человек, который написал знаменитую картину «Переход Вашингтона через реку Делавэр», украшающую фойе Белого дома, репродукции которой висят во многих американских домах.

Ничем не обремененное, исполненное утонченной культуры существование таких людей оказалось чем-то вроде откровения для простоватого восемнадцатилетнего лейтенанта. Один из моих друзей, граф Эрих Гоффгартен, содер-

жал небольшую конюшню скаковых и охотничьих лошадей, и спустя недолгое время я смог прислать домой свой первый кубок за победу в стипль-чезе. Полагаю, что наша тогдашняя беззаботная жизнь подверглась бы осуждению в теперешнее, более аскетичное время. Бывало, вечеринки затягивались до утра, и частенько мне приходилось на рассвете выезжать лошадей, не имев за всю ночь ни минуты сна. Но, несмотря ни на что, наши обязанности в полку требовали выполнения, и самодисциплина, потребная для ведения такой наполненной бесконечной активностью жизни, была совсем неплохой подготовкой к значительно более тяжелым испытаниям, ожидавшим впереди.

Я стал достаточно успешным жокеем-любителем, хотя весил в те годы обычно около семидесяти килограммов, и мне не раз приходилось сгонять вес. Денег у меня было совсем мало, и, хотя мне и удавалось иной раз купить или продать второстепенную лошадь, когда дело заходило о хороших конях, я всецело зависел от своих друзей. Когда спустя тридцать лет я стал канцлером, мои критики не преминули указать на годы любительского увлечения конным спортом как на доказательство моей полнейшей непригодности к занятию столь высокого государственного поста. Могу лишь ответить, что мало лучших способов выработки характера, чем этот. Стипль-чез требует значительной самодисциплины, выносливости и способности к принятию решений, не считая высочайшего презрения к сломанным костям – от-

нюдь не плохая тренировка для политического деятеля.

1902–1904 годы я провел в кавалерийской школе в Ганновере. Там я впервые столкнулся с замечательными книгами Вайт-Меллвила о конном спорте в Англии, в первую очередь с его «Маркет Харборо», и решил непременно своими глазами увидеть охоту в центральных графствах. Среди моих друзей в Дюссельдорфе был Август Нивен дю Монт, офицер полкового резерва, который уехал на жительство в английский городок Бексхиллон-Си. Он был большим другом Уистлера, да и сам был достаточно известен как художник, писавший английские ландшафты. Другой мой друг, по фамилии Кемпбелл, который жил в Виндзоре, был увлеченным лошадиником и принимал участие в качестве офицера-добровольца 7-го кирасирского полка в кавалерийской атаке при Марля-Тур в ходе кампании 1870 года. Я выправил в полку отпуск и отправился в Англию вдвоем с нашим офицером по фамилии Кленце. В те времена не требовалось никаких паспортов: вы просто брали билет и ехали куда вам угодно.

Британская империя на рубеже столетия была на вершине своего великолепия, и мне никогда не забыть сильнейшего впечатления от моей первой встречи с Лондоном. Вооружившись рекомендательным письмом от Кемпбелла, мы вдвоем отправились на свидание с мистером Хэймисом, джентльменом, торговавшим лошадьми в Лейчестере. Я вспоминаю его как человека весьма немногословного. Бросив на нас испытующий взгляд, он спросил: «А вы хорошие наездники?» Мы

отвечали не вполне уверенно: «Надеемся, что так», и он согласился прислать нам на следующий день двух лошадей на состязания в Бельюре. Мы предполагали, что он отделается от нас парой кляч, чтобы только посмотреть, на что мы способны, и можно представить себе наше изумление, когда присланные лошади оказались двумя прекрасными чистокровными. Должно быть, мы показали себя достаточно уверенно, чтобы заслужить его доверие, потому что никогда в своей жизни мне не приходилось ездить на лучших лошадях, чем за время этих соревнований в центральной Англии, — Королеве, Кворн, Бельюр, Пичли и Мистере Ферни. И все это лишь за четыре гиней в день!

Проведя несколько недель в Маркет Харборо, мы отправились погостить к Нивен дю Монту, который занял сельский дом лорда Де Ла Варра и стал председателем клуба любителей английских гончих восточного Суссекса. Воистину, в те времена все было по-иному, если такой пост мог занимать немец. Верховую езду здесь было не сравнить с ездой в центральной Англии, но светская жизнь была намного приятнее, и я неоднократно обедал в Лондоне в Объединенном клубе молодых государственных служащих и в Кавалерийском клубе.

Еще раз я посетил Англию на короткое время в ноябре 1913 года, непосредственно перед отъездом из Германии в Вашингтон. На этот раз по просьбе императорского конюшего графа Вестфалена я сопровождал его в поездке с целью

закупки лошадей-производителей. Нас пригласили участвовать в охоте со сворой лорда Эннэли, и я вспоминаю, какое впечатление произвел на меня один восхитительный серый конь. Когда мы поинтересовались у его владельца, нельзя ли приобрести эту лошадь для кайзера, ответ был такой: «Нельзя даже для короля Англии, сэр!»

С тех пор я не видел Англии и не имею теперь особого желания испытать на себе ее современную суровость. Тем не менее я все же завидую британцам, сохранившим свою конституционную монархию, хотя так никогда и не смог по-настоящему понять, как могла эта страна, по преимуществу консервативная – несмотря на своих либералов и социалистов, – с такой легкостью поддержать упразднение монархии в Германии. Если бы только на исходе абсолютно бессмысленной Первой мировой войны умы были трезвее и чувства не столь воспалены, то более толерантный мир никогда бы не лишил Центральную Европу ее роли передового бастиона западной цивилизации.

По возвращении в Германию в 1905 году для меня настало время остепениться. Одна из моих кузин вышла замуж за второго сына тайного советника фон Бош-Галгау, в чьем очаровательном доме в Метлахе, что в Саарской области, я бывал частым гостем. В мае 1905 года я женился на его младшей дочери, что обернулось счастливым союзом, выдержавшим испытание временем на протяжении всех этих нелегких годов. Бош-Галгау были вполне космополитичны, и моя по-

стоянная озабоченность франко-германскими отношениями вполне может уходить многими из своих корней в семейство моей жены. Они происходили из Лотарингии и отчасти из Люксембурга. Из трех сестер моего тестя одна вышла замуж за французского офицера, другая – за маркиза д'Онси де Шаффардона, а третья – за люксембургского графа Ламоралля Виллера. Старшая сестра моей жены замужем за внуком барона Нотомба, одного из основоположников бельгийской независимости. От своего дяди, Адольфа фон Галгау, жена унаследовала поместье Валлерфанген в Сааре, которое стало впоследствии нашим семейным гнездом. Все эти пограничные семейства страдали в бесконечных войнах со времен Людовика XIV, и неудивительно, что все они настроены по преимуществу интернационалистически, и их чувства со временем передались и мне.

На вечере по случаю нашей помолвки мой тесть говорил по-французски – на языке, которым обыкновенно пользовались в его доме. К своей досаде, я понимал едва ли половину сказанного. Среди военных, пользовавшихся уважением моего тестя, большинство составляли офицеры Генерального штаба, которых он расценивал как людей культурных и интеллигентных, с интересами, простирающимися далеко за рамки чисто военной сферы. У меня не могло возникнуть ни малейшего сомнения относительно того, что он от меня ожидает, но признать это – означало ответить на чрезвычайно серьезный вызов. Генеральный штаб составлялся из сливок ар-

мейских умов, и служба в нем подразумевала непрерывную учебу и напряженный труд. Конкуренция при поступлении была отчаянная. Примерно тысяча офицеров каждый год подавали заявления, и всего лишь сто пятьдесят из их числа принимались на предварительный курс. Поступление обладало значительной притягательной силой для офицеров из какого-нибудь провинциального гарнизона, поскольку влекло за собой трехлетнюю службу в Штабной академии в столице. Будучи человеком скорее трудолюбивым, нежели наделенным особыми талантами, я по сей день рассматриваю как небольшое чудо тот факт, что в 1907 году я попал в число этих удачливых 15 процентов. Так или иначе, но в октябре того года я распрощался с Дюссельдорфом, чтобы начать практически новую карьеру.

Жизнь в полку мне чрезвычайно нравилась. Контакты между офицерами и военнослужащими других рангов были очень тесными, и, хотя дисциплина и соблюдалась весьма строго, завязывались человеческие отношения, продолжавшиеся потом всю жизнь. Семьи рейнских и вестфальских крестьян, из которых в основном комплектовался личный состав, были рады, что их сыновья служат в армии. Там они привыкали к пунктуальности, разумному поведению, чистоплотности и чувству ответственности, что делало их впоследствии лучшими членами общины. Я до сих пор часто получаю письма от старых солдат 5-го уланского, которые служили в моем эскадроне полстолетия назад.

Каждый претендент на поступление в Генеральный штаб должен был провести три года в Военной академии. Только те, кто выдерживали жесткую дисциплину бесконечного труда, прилежания и непрерывных проверок, становились в конце концов членами Генерального штаба. Старое здание Военной академии на Доротеенштрассе могло выглядеть снаружи как университет, но режим в нем был совсем иной. Тут не стоял вопрос о выборе посещения или непосещения тех или иных лекций или дополнения их самостоятельными занятиями. Каждая лекция начиналась с военной точностью, и ежедневная программа составляла ровно пять часов. Talанты и трудолюбие каждого слушателя были востребованы до предела, и выживали только самые жизнеспособные. Мои товарищи-офицеры были собраны со всех уголков страны, и дружба, возникшая у меня с некоторыми из них, продлилась всю жизнь. Многие из них, такие как Фрейгер фон Хаммерштайн, Фрейгер фон Фрич и будущий фельдмаршал фон Бок, в свое время достигли высших степеней профессионализма.

Обучение предполагало также временное откомандирование в различные рода войск. Я провел некоторое время в Страсбурге в Саксонском пехотном полку и в Трире в полевой артиллерии. В результате я вновь столкнулся с проблемой франко-германских отношений в Саарской области, а на третьем году моего пребывания в Военной академии мне удалось провести длительный отпуск во Франции для

усовершенствования своего знания ее языка и народа. Из ста пятидесяти офицеров, выдержавших трехлетний курс обучения, для испытательной годовой службы в Генеральном штабе отбиралось только тридцать или сорок человек, причем принятия решения следовало ожидать шесть месяцев. На это время мне полагалось возвратиться в свой полк. Однако мой полковой командир в Дюссельдорфе, фон Пелет-Нарбонн, принявший командование 1-го полка гвардейских улан, квартировавшего в Потсдаме, затребовал моего перевода в свою новую часть. Я был ему весьма благодарен, поскольку это означало, что в случае моего назначения в Генеральный штаб семья моя будет находиться недалеко от Берлина.

1 апреля 1911 года мне сообщили, что я допущен к исполнению обязанностей в Генеральном штабе. Следующие два года были, вероятно, самыми счастливыми в моей жизни. У нас был очаровательный дом в Потсдаме, напротив Мраморного дворца – резиденции кронпринца и его супруги, – и я мог совмещать работу в столице с приятной жизнью в пригородном гарнизонном городке. Фельдмаршал граф Шлифен, который командовал 1-м полком гвардейских улан до того, как стать начальником Генерального штаба, встретил меня с особой теплотой, чрезвычайно довольный, что молодой офицер из его старого полка принят в *Rote Bude*⁵, как называли здание Генерального штаба на Кёнигсплатц.

⁵ Красная будка, красный балаган (нем.). (Примеч. пер.)

К тому времени, когда я приступил к исполнению своих обязанностей, Шлифен уже был заменен Мольтке-младшим, племянником великого фельдмаршала. Сперва я был назначен в 10-й отдел австрийского отделения.

На самом деле оставалось очень мало секретов, касавшихся Дунайской монархии, поскольку существовала практика постоянных обменов штабными офицерами, а австрийский главнокомандующий, генерал Конрад фон Гетцендорф, пользовался доверием всего германского Генерального штаба, хотя его взгляды на неизбежность войны с Россией, как следствие ее агрессивной панславянской политики, не разделялись Берлином.

Работали мы неустанно. Параллельно с рутинной конторской работой происходило дополнительное обучение. Требования к нашей выносливости, интеллекту и способности к сосредоточению были громадные, и уже очень скоро старшие офицеры смогли научиться отделять зерна от плевел. Офицеры Генерального штаба должны были обладать независимостью суждений и умением брать на себя полную ответственность за принимаемые решения. Многие годы спустя именно эти способности и вознамерился искоренить Гитлер, лишая тем самым членов Генерального штаба одной из их главных особенностей. В последующие годы меня самого критиковали за внезапность и прямоту подхода к решению проблем. Допуская, что для политика такие свойства могут являться недостатком, я ни в коем случае не хочу скрывать

их происхождение.

Будущие события уже начинали отбрасывать тени. Агандир, неприятности между Турцией и Италией в Триполи и конфликт на Балканах знаменовали собой грядущую катастрофу. Я был только крошечной шестеренкой громадной машины, но со своего наблюдательного поста я не замечал в работе Генерального штаба ничего такого, что могло бы ускорить приближение войны. Напротив, наше близкое знакомство с результатами действия современного оружия и с масштабами вооружения в Европе заставляли нас делать для сохранения мира больше, чем это делали большинство политиков.

Для всех нас было долгом поддерживать германскую военную машину в состоянии постоянной готовности. Мобилизационный план и планы боевых действий ежегодно должны были готовиться к 1 апреля. Я вспоминаю, что в январе 1913 года мы получили приказ императора, предписывавший не готовить в текущем году планов кампании против России. Обычно практиковалось составление одного плана наступательных действий против Франции при проведении оборонительных мероприятий на востоке и другого, предполагавшего наступление против России, сопровождавшееся оборонительными действиями на западе. Вторая половина этой работы была отставлена предположительно ради того, чтобы русская разведка получила информацию о столь необычном отступлении от правил, что могло бы послужить

снижению напряженности. Спустя несколько месяцев, когда отношения с Россией ухудшились в связи с кризисом на Балканах, мы получили противоположный приказ, предписывавший все же готовить этот план. Я очень хорошо помню наше раздражение по поводу необходимости выполнить работу нескольких месяцев за считанные недели.

Еще в моей памяти ярко запечатлелись усилия начальника штаба австрийской армии генерала Конрада фон Гетцендорфа убедить Германию принять участие в наступательных операциях Австрии на Балканах. Он утверждал, что время работает на стороне русских и что поскольку конфликт между Австрией и Россией неизбежен, то чем скорее он начнется, тем лучше. Однако, поскольку военная слабость нашего союзника была нам хорошо известна, Мольтке, начальник штаба германской армии, будучи решительно против любых превентивных действий, делал все, что было в его силах, чтобы сдержать своего австрийского коллегу. Гетцендорф, по обыкновению, настаивал, что рано или поздно русские непременно нападут и что намного лучше нам самим проявить инициативу. Тогдашняя ситуация весьма похожа на сегодняшнюю. В наше время очень многие уверены, что цели мирового коммунизма могут быть достигнуты исключительно военным путем, а потому конфликт неминуем. Взгляды Мольтке в значительной степени совпадают с взглядами генерала Эйзенхауэра. Западные державы ни при каких обстоятельствах не должны участвовать в превентивной войне.

Мольтке постоянно повторял: «Мы ни в коем случае не вступим в европейскую войну просто из-за каких-то событий на Балканах».

Я был окончательно зачислен в постоянный штат Генерального штаба 9 марта 1913 года. В то время мне казалось, что я достиг в жизни всего, чего добивался, но удовлетворение от этого не идет ни в какое сравнение с моим изумлением, когда осенью мне был предложен пост военного атташе в Вашингтоне. Как правило, на эту должность назначали значительно более опытных работников Генерального штаба. С профессиональной точки зрения эта должность была не слишком привлекательна. В военной области там происходило очень мало событий, представлявших интерес и заслуживающих доклада, к тому же Соединенные Штаты, по видимому, полностью отгородились от европейской системы союзных договоров. Для моего неожиданного выдвижения существовало, вероятно, две причины. Я уже упоминал, какое глубокое впечатление во время посещения Англии произвели на меня динамичность и могущество Британской империи. В результате я приобрел репутацию англофила. И правда, коллеги-офицеры имели обыкновение подшучивать надо мной, говоря: «У тебя уже есть английские бриджи, сапоги и седло. В следующий раз ты вернешься в британском мундире». Мои начальники отлично знали о моих взглядах, но решили, по всей видимости, что при подготовке меня к занятию ответственного поста военного атташе в Лондоне

несколько лет, проведенных в Соединенных Штатах, могут послужить отличной тренировкой. Кроме того, я выказывал большой интерес к европейским военно-политическим проблемам, и мне даже пришлось прочесть несколько лекций по этим вопросам. Возможно, это был как раз тот редкий случай, когда трудолюбие бывает вознаграждено.

Я пребывал в нерешительности, принимать ли мне это предложение, но сама мысль о возможности познакомиться с неизвестным континентом, о чьем потенциале мы все так много слышали, меня захватывала. В результате я согласился и, прежде чем уехать в декабре в Америку, получил аудиенцию у кайзера. Он был очень любезен, пригласил меня к обеду, перечислил всех своих друзей и знакомых в Соединенных Штатах и разъяснил, какая это для меня удача – получить такую должность. «Выучись хорошо говорить по-английски, познакомься с устроением народа, и я пошлю тебя в Лондон», – говорил он мне. Когда я откланивался, кайзер передал через меня свои особенно теплые пожелания Теодору Рузвельту, который был ему чрезвычайно симпатичен. Спустя несколько дней я уже был в пути, оставив дома жену и детей. Мы ожидали прибавления семейства, так что жена собиралась присоединиться ко мне летом. Невозможно было и вообразить, что пройдет больше двух лет, прежде чем я снова смогу ее увидеть.

Глава 2

Мексиканская интерлюдия

Предупреждение Бернсторфа. – Гражданская война в Мексике. – Осадное положение в столице. – Вмешательство Соединенных Штатов. – Над Европой сгущаются тучи. – Завтрак с адмиралом Крэдоком. – Война объявлена. – Заметки по поводу ее причин

Вашингтон в те времена обладал почти деревенским очарованием. Германское посольство занимало скромное здание на Массачусетс-авеню, причем консульство располагалось на первом этаже, а апартаменты посла – на втором. Граф Бернсторф встретил меня в дружеской манере и мягко предупредил, что в обязанности военного атташе не входит составление политических докладов. Он рекомендовал отозвать моего предшественника, фон Херварта, из-за того, что тот не считал нужным подчиняться этому правилу. Как бы там ни было, консулом здесь служил господин фон Ганиель, принадлежавший к известной мне дюссельдорфской фамилии, а первым секретарем посольства оказался другой знакомый из времен моей службы в уланах – Фрейгер фон Лерснер, чей полк был расквартирован в то время в Бонне, так что я оказался среди друзей. Военно-морским атташе был капитан Бой–Эд, с которым мне предстояло с началом вой-

ны делить многие превратности судьбы. Это был прекрасный человек, очень спокойный и сдержанный.

С военной точки зрения в Вашингтоне мне было практически нечем заниматься. Жизнь, казалось, состояла из непрерывного вихря светских мероприятий, среди которых я, всегда имевший склонность к упорной работе, чувствовал себя как будто не в своей тарелке. Бесконечным потоком приходили приглашения от незнакомых мне людей, и весь ритм и стиль жизни совершенно не походили на более церемонные порядки Старого Света. Среди многих знакомых, которых я приобрел за это время, я до сих пор помню повстречавшегося мне в Охотничьем сельском клубе молодого американца, которого звали Франклин Д. Рузвельт. Естественно, я и помыслить не мог в то время, какую грандиозную роль он сыграет в истории своей страны. Кроме того, я познакомился с молодым американским капитаном по фамилии Мак-Кой, состоявшим тогда в адъютантах генерала Леонарда Вуда, который, вместе с генералом Першингом, стал выдающимся военным деятелем своего времени. Мы часто обменивались приветствиями во время ранних верховых прогулок в парке Рок-Крик. Позднее он переехал на жительство на Губернаторский остров вблизи Нью-Йорка и никогда, даже в самые тяжелые дни войны, не изменил своего дружеского расположения ко мне.

Президент Вильсон устраивал свой первый официальный прием в Белом доме в феврале 1914 года. Он был настолько

любезен, что уделил мне несколько мгновений своего драгоценного времени и поинтересовался моими планами на будущее. Я сказал ему, что собираюсь посетить Мексику, в которой я также был аккредитован, в ответ на что он воскликнул: «Как я вам завидую! Мне самому всегда хотелось там побывать».

Планы у меня в действительности были весьма смутные. Кайзер посоветовал мне путешествовать как можно больше и осмотреть все, что только возможно. Мексика кипела гражданской войной и наверняка являла собой зрелище значительно более интересное, чем то, что могла предоставить светская жизнь Вашингтона. Туда я и отправился в компании с Лерснером и вторым секретарем посольства Беркхаймом через Кубу и Веракрус и в конце концов предстал перед адмиралом фон Гинце, нашим посланником в Мехико-Сити.

Мой первый контакт с официальными лицами новой для меня страны был обставлен достаточно необычно. Отправившись засвидетельствовать свое почтение мексиканскому военному министру, я был остановлен часовым на входе в президентский дворец. Я был в парадном мундире и постарался объяснить свое появление, используя все свое знание испанского языка. Страж указал на висящее позади него знамя и потребовал, чтобы я, прежде чем пройду дальше, отсалютовал флагу. Не видя причин устраивать сцену, я так и поступил, лишь впоследствии узнав, что это было полковое знамя 29-го пехотного полка, который прославился тем,

что производил все успешные перевороты в городе. Военный министр генерал Бланкет, оказавшийся достойным пожилым господином, принял меня любезно и – вероятно, для того, чтобы как можно быстрее произвести на меня впечатление, – рассказал, как, в бытность свою сержантом, руководил расстрельной командой, казнившей императора Максимилиана в Кверетаро.

Я был совершенно не готов к такому откровенному признанию и почувствовал себя несколько более уверенно только после того, как Бланкет сделал несколько одобрительных замечаний о германской армии, чьи методы подготовки он будто бы перенял для своих нужд. Я отвечал, что очень этим доволен и буду рад предоставить в его распоряжение любую дополнительную информацию, какая только может ему понадобиться. Когда же я попросил содействия в организации для меня инспекционной поездки, он оказался значительно менее услужлив. Мне в особенности хотелось посетить северные провинции, где правительство находилось в непрерывном конфликте с бандами Панчо Вильи. Он ответил, что не может взять на себя ответственность за мою безопасность. Стало ясно, что если я вообще хочу чего-нибудь добиться, то мне необходима поддержка мексиканских властей.

Сама столица находилась едва ли не на осадном положении. На протяжении последних месяцев другой руководитель мятежников, по фамилии Сапата, совершал с окрестных холмов ночные набеги, и ни армия, ни полиция, по всей

видимости, ничего не могли с ним поделать. Население европейской колонии решило сформировать добровольческую дружину для защиты своей собственности, да и самой жизни, и меня, как единственного военного во всем дипломатическом корпусе, попросили взять на себя командование. С германского крейсера «Дрезден», стоявшего в Веракрусе, был прислан нам на помощь небольшой отряд моряков при двух пулеметах, а с японского крейсера, находившегося у западного побережья, было прислано некоторое количество оружия. Мы проявили себя весьма достойно, и бандиты, приветствуемые выстрелами из посольского компаунда, всякий раз отваливали в сторону. На самом же деле опасения превосходили реальную опасность. Несколько раз пришлось объявлять тревогу и производить вылазки, но ничего по-настоящему серьезного не происходило.

Есть люди, проявляющие особый интерес к различным эпизодам моей жизни, и они были рады сотворить из моей деятельности в Мексике целую легенду. В действительности моя единственная официальная поездка с целью сбора информации за пределы столицы выродилась в настоящий фарс. Генерал Бланкет в конце концов разрешил мне поездку в районы действия Вильи, и я доехал до Салтилло, находившегося еще в руках правительства. Местному «генералу» было, вероятно, лет двадцать пять от роду, а его солдаты выглядели скорее как опереточная массовка, нежели воинская часть. Мне удалось обстоятельно поговорить с одним из сол-

дат, охранявшим в местной крепости средневековую пушку, но у него, по-видимому, были сомнения относительно моей личности, потому что на обратном пути с холма он проводил меня градом пуль, которые, по счастью, в цель не попали. Напряженность в отношениях между Мексикой и Соединенными Штатами уже была очень велика, и я полагаю, что солдат принял меня за *гринго*. Рисковать жизнью по столь незначительному поводу мне показалось бессмысленным, и я возвратился в столицу.

По возвращении я обнаружил, что два государства, при которых я был аккредитован, находятся на грани войны. В нефтяном порту Тампико мексиканская толпа сорвала американский флаг, и американская пресса призывала к отмщению. Атлантический флот под командой адмирала Баджера появился перед Веракрусом, и на нем шла подготовка экспедиционного отряда. В правительственных кругах Мехико-Сити создалась атмосфера чрезвычайного напряжения и неразберихи. Мне никогда не забыть официальный прием, устроенный однажды вечером в замке Чапультепек. В какой-то момент неожиданно погас свет. Когда через несколько секунд освещение восстановилось, выяснилось, что все министры и большинство из гостей образовали круг, причем каждый опасливо держал перед собой торопливо извлеченный из кармана фрака пистолет. Во всех последующих перипетиях моей бурной жизни мне не приходилось видеть более поразительного зрелища.

Несмотря на все наши усилия, фон Гинце или я мало что могли сделать для того, чтобы погасить приближающийся конфликт. Срок американского ультиматума истек 19 апреля 1914 года, и нашей главной заботой было обеспечить безопасность германской и других европейских колоний. Уэрта, мексиканский президент, оказался в трудном положении, и, хотя у меня сформировалось о нем более высокое мнение, чем у фон Гинце, я оказывал всевозможную поддержку демаршам различных дипломатических представителей, направленным на его уход в отставку, с тем чтобы избежать расширения конфликта с Соединенными Штатами. Ситуация на тот момент казалась весьма угрожающей, но ее острота потеряла всякую значимость в сравнении с последовавшим всемирным конфликтом. В связи с этим любопытно вспомнить, что британцы были в высшей степени недовольны развитием событий, опасаясь того, что они называли возрождением американского империализма. Отношения между представителями двух держав были весьма далеки от сердечности, и это следует помнить при рассмотрении событий, последовавших всего несколько месяцев спустя.

В конце концов я сопровождал железнодорожный конвой с иностранными гражданами до Веракруса, на рейде которого я обнаружил по меньшей мере семнадцать броненосцев, принадлежавших заинтересованным странам. Среди моих новых знакомых, встреченных в это время, были контр-адмирал сэр Кристофер Кредок, которому предстояло коман-

довать британским флотом в битве у Коронеля, и молодой лейтенант Канарис, впоследствии ставший знаменитым главой германской военной разведки.

Я оказался в курьезном положении, поскольку был официально аккредитован при обоих государствах, участвовавших в конфликте. С военной точки зрения на мексиканской стороне для меня мало что представляло интерес, в то время как даже первый взгляд на американские экспедиционные силы привел меня к определенным интересным выводам. Здесь я был встречен очень тепло, и мне дали возможность ознакомиться с их организацией. Командовал отрядом генерал Фанстон, а одним из его адъютантов был капитан по фамилии Макартур, с которым мне пришлось несколько раз вести дела. Он запомнился мне как энергичный и красивый человек, всегда в безупречном мундире. Он обладал значительным влиянием в штабе генерала Фанстона. Когда я на днях прочитал биографию этого человека, ставшего ныне выдающимся генералом, составленную Г.Г. Кируной⁶, то узнал про один инцидент, в ходе которого капитан Макартур пересек мексиканские позиции, изображая из себя ковбоя, и возвратился назад, приведя с собой три мексиканских локомотива. Автором делалось предположение, что я в какой-то степени помог ему в этом предприятии. Все мое удовольствие от знакомства с ним, боюсь, не дает мне права на

⁶ *Kiruna H.H.* General Douglas McArthur. Tübingen: Verlag Dr. Paul Herzog, 1951. (Примеч. авт.)

частицу его славы от этого подвига, о котором я ничего не знал до настоящего времени. Также чистой воды вымыслом является предположение о том, что генерал Макартур выступил в мою защиту на Нюрнбергском процессе и что его заступничество послужило к моему оправданию.

Хотя и маленькая, американская армия имела превосходных офицеров и первоклассный личный состав. В своих докладах в Берлин я настаивал, уже на этой ранней стадии, что, имея за собой громадный промышленный потенциал, Соединенные Штаты Америки имеют возможность расширять свою армию практически безгранично за очень короткое время. Я специально отмечал, что в случае, если крайне напряженная ситуация в Европе приведет к войне, Америка может превратиться в важнейший фактор, требующий особого внимания.

Вскоре после фатальных выстрелов, прогремевших в Сараеве, я закусывал с адмиралом Крэдоком на борту британского боевого корабля H.M.S.⁷ «Гуд Хоуп». Адмирал был большим почитателем кайзера, и стены его каюты были украшены фотографиями императора. Сэр Кристофер был чрезвычайно обаятельным человеком, и мы долго беседовали с ним по поводу угрожающей ситуации в Европе. Я высказал надежду, что если Германия окажется вовлеченной в войну на два фронта, то Британия, по крайней мере, останет-

⁷ H.M.S. – His Majesty Ship – корабль его величества – обозначение любого британского боевого корабля. (Примеч. пер.)

ся нейтральной. Его ответ был типичен для британской позиции тех времен. «Англия никогда не станет воевать против Германии, – сказал он и добавил после небольшой паузы: – Хотя бы из-за наших уик-эндов».

Хотя непосредственно на месте проблемы казались жизненно важными, было ясно, что европейские державы очень слабо заинтересованы в развитии мексиканских дел. Для нас складывалась странная ситуация, поскольку ежедневные дружественные контакты между офицерами всех наций входили в отчетливое противоречие с яростной дипломатической и военной активностью в Европе. Так или иначе, но до любого из нас доходила только очень малая часть фактов, свидетельствующих об эскалации тогдашней напряженности, и первое указание на то, что ситуацию в Европе следует рассматривать со всей серьезностью, пришло ко мне, как это ни странно, от российского посланника барона Сталевского. Даже он не обладал информацией из первых рук, но он сообщил мне, что его военному атташе, полковнику Голеевскому, приказано возвратиться в Вашингтон. Когда я спросил у барона, чем это может объясняться, он ответил: «Все, что мне известно, – это то, что он должен вернуться, чтобы организовать службу разведки, хотя о ее точном назначении я ничего не знаю». Это прозвучало весьма зловеще, и я немедленно проинформировал о таком развитии событий Генеральный штаб. Аналогичные шаги я и сам предпринял еще до отъезда из Соединенных Штатов, хотя боль-

шая часть работы была выполнена моим предшественником. В Нью-Йорке уже была создана контора для сбора и передачи военной информации. В свое время я еще опишу проделанную нами работу.

Я узнал о действительном начале войны весьма необычным образом. 1 августа я был приглашен на обед к генералу Фанстону. В вестибюле его гостиницы я повстречал своего русского коллегу, который тоже оказался в числе приглашенных. Генерал спустился по лестнице, размахивая листом бумаги, и заметил, пожимая нам руки: «Господа, у меня есть для вас интересная новость. Германия объявила России войну». Русский – это был Голеевский – деревянно поклонился мне и сказал генералу, что в сложившихся обстоятельствах он не может остаться на обед. Генерал попытался убедить его в том, что это не мы лично объявили друг другу войну, но Голеевский стоял на своем, и в конце концов мы оба откланялись. Более всего мы стремились возможно скорее вернуться в Вашингтон, и наш отъезд на следующий день на борту одного и того же американского миноносца не был лишен известной пикантности. Многие из наших общих друзей стояли на пристани и сначала прокричали троекратное ура в честь Германии, а потом такое же – в честь России, в то время как все суда в гавани дали гудки.

Это не было приятным путешествием. Море было бурное, корабль маленький, жара удручающая, к тому же мне и Голеевскому было совсем не просто избежать общества друг

друга. Я попробовал установить нечто вроде формального контакта при помощи дежурных фраз: «C'est vraiment au detriment de l'Europe que la diplomatie n'a pas reussi a maintenir l'amitie traditionnelle entre nos deux grand pays⁸, – заметил я. – Nous deux, nous allons faire notre devoir maintenant – esperons nean moins que cette epreuve ne durera pas trop longtemps»⁹.

Полковник, служивший военным атташе в Лондоне при Бенкендорфе и, без сомнения, лучше меня осведомленный о политической обстановке в державах Согласия, ответил довольно резко: «Ce n'est pas du tout étonnant que nous ne puissions plus supporter cette maîtrise de l'Allemagne et tant de brusqueries de votre part. Et vous vous trompez profondément si vous croyez que cette affaire sera vite terminée. Cela va durer deux ans, trois ans, dix ans, si vous voulez!»¹⁰ И потом добавил с большим нажимом: «Jusqu'à un résultat définitif»¹¹.

Много лет спустя, когда в 1932 году меня назначили германским канцлером, я был крайне удивлен, получив телеграмму с добрыми пожеланиями от моего бывшего коллеги.

⁸ Действительно, Европа страдает оттого, что дипломатия не в состоянии поддержать традиционные дружественные отношения между нашими великими странами (фр.). (Примеч. пер.)

⁹ Мы оба сейчас обязаны надеяться, что это испытание не продлится слишком долго (фр.). (Примеч. пер.)

¹⁰ Это не означает, что мы обязаны и далее терпеть господство Германии и грубости с вашей стороны. Вы также сильно ошибаетесь в том, что это дело может быстро закончиться. Если угодно, это будет длиться два или три года (фр.). (Примеч. пер.)

¹¹ Пока не будет достигнуто окончательного результата (фр.). (Примеч. пер.)

Во время революции он бежал из России и в то время жил в Париже. Возможно, у него была возможность поразмышлять о том, что «résultat définitif¹²», которого так добивался его царственный повелитель, привел к захвату большевиками его родной страны.

Два дня спустя, 4 августа, мы высадились в Галвестоне. Я побежал к ближайшему газетному киоску, где был встречен заголовками: «40-тысячная германская армия пленена близ Льежа» и «Германский кронпринц покончил жизнь самоубийством». Я не поверил заголовкам, но был поражен мыслью о гигантском столкновении огромных армий и о страданиях, которые это столкновение неминуемо породит. В тот же вечер я уехал на поезде в Нью-Йорк. Война началась и для меня.

Позвольте мне кратко описать развитие ситуации в Европе и ее скатывание к положению, когда столкновение великих держав с его ужасающими последствиями стало неизбежным. В Генеральном штабе мы внимательно следили за растущим напряжением и знали не понаслышке, каким образом действия главнейших держав могут повлиять на сохранение европейского спокойствия.

Генеральный штаб мог бы служить барометром международного политического процесса. Наше промежуточное положение между Востоком и Западом означало, что мы были

¹² Конечный итог (фр.). (Примеч. пер.)

предельно чувствительны к малейшим изменениям в балансе сил. За время своей службы в Генеральном штабе я был свидетелем непрерывного усугубления политической ситуации, приведшей в конце концов в 1914 году к началу войны. Генеральный штаб не предназначен для выработки политических решений или влияния на их принятие. Его дело – организация военных приготовлений к любому конфликту, могущему возникнуть в результате развития политической ситуации.

Дипломатическая история в период, предшествовавший Первой мировой войне, исследована в мельчайших подробностях историками всех стран. Я не вижу необходимости повторять их выводы, однако мне хочется дать краткий обзор некоторых этапов развития ситуации со своей точки зрения, поскольку два аспекта этого развития сыграли известную роль в моей последующей политической карьере. В первую очередь это положение, сложившееся в Юго-Восточной Европе и Турции в результате Балканских войн 1911–1913 годов – ведь впоследствии мне предстояло занимать как военные, так и дипломатические посты в этом регионе. Второй и наиболее важный вопрос – надвигавшийся кризис, включающий в себя мировую войну и закончившийся в 1919 году Версальским договором, базировавшимся на представлении об исключительной вине Германии в войне. Эта последняя концепция в значительной мере определила политическое развитие Германии в двадцатых годах и оказала влия-

вание на все внутренние дела страны. Для меня, как парламентария, а затем канцлера и вице-канцлера, это была важнейшая психологическая проблема, которая требовала разрешения и которая отбросила свою тень на всю мою политическую деятельность.

Сама концепция исключительной вины уже отброшена большинством историков во всех странах. И все же она продолжает существовать как миф в общественном сознании. После Второй мировой войны, за которую, вне всякого сомнения, ответствен Гитлер, стало привычным относиться к Германии как к прирожденному агрессору, полностью ответственному как за войну 1870 года, так и за Первую и Вторую мировые войны. Достаточно изучить постановления оккупационных властей в Германии и обвинительное заключение Нюрнбергского трибунала, чтобы увидеть, какие глубокие корни пустила эта идея вопреки многочисленным историческим свидетельствам. На ней основываются многие меры, предпринятые оккупационными властями в экономической и политической сферах.

В то время, когда я, работая в Генеральном штабе, стал заниматься анализом мировых политических тенденций, сдвиги в балансе европейских политических сил были уже отчетливо заметны. Поворотной точкой развития послужило подписание англо-русского договора от 31 августа 1907 года. В эпоху Солсбери и Бисмарка Россия рассматривалась как азиатская держава, чье влияние на европейские дела следо-

вало нейтрализовать, но, при подписании упомянутого договора, интересы Британской империи были поставлены выше интересов Европы. Стороны делили Персию на русскую и британскую сферы влияния и признавали британские права на нефть Персидского залива. Россия обеспечивала себе значительное влияние в Афганистане и Тибете. Двамя месяцами ранее Франция, Россия и Япония согласились поддерживать *status quo* в Китае.

Политика Бисмарка заключалась в том, чтобы практические политические гарантии давались только в отношении признанных сфер влияния. Это могло препятствовать осуществлению замыслов России относительно Запада, одновременно устраняя ее опасения быть атакованной. Новое политическое развитие показывало, насколько упало германское влияние на европейские дела. Тут следует отметить, что ни кайзер, ни германское правительство даже не пытались в свое время воспользоваться ослаблением России после ее поражения в войне с Японией. Если бы Германия рассматривала когда-либо идею превентивной войны, то более удобного момента для ее начала ни раньше, ни позднее того момента просто не было.

Британский историк сэр Чарльз Петри выдвинул тезис, в соответствии с которым англо-русский договор спас Европу семью годами позже, поскольку вынудил Германию воевать на два фронта. Это утверждение ставит истинное положение вещей с ног на голову. В договоре игнорировался уже суще-

ствующий европейский баланс сил, и угроза борьбы на два фронта стала основной причиной последовавшей гонки вооружений и того развития, которое и привело в конце концов к войне.

Ухудшение наших отношений с Россией должно было бы привести к улучшению отношений с западными странами, но этому воспрепятствовали другие события. Французская экспансионистская политика в Северной Африке возбудила соперничество итальянцев, которые намеревались получить свою долю от распадавшейся Османской империи. Одной из первых проблем, с которой мне пришлось близко ознакомиться в Генеральном штабе, была возросшая опасность возникновения итало-турецкого конфликта по вопросу о Ливии. Турция была не в состоянии сопротивляться итальянскому нападению, но Энвер-бей, в то время военный атташе Турции в Берлине, бывший моим близким знакомым, отправился в Ливию для организации сопротивления среди местных племен. Этот конфликт ставил Германию в исключительно трудное положение. С одной стороны, мы были союзниками Италии, а с другой – поддерживали тесные дружественные отношения с Турцией. Одним из главных принципов нашей внешней политики всегда было недопущение раздела ее империи великими державами. В связи с этим Генеральный штаб демонстративно послал на место событий всего лишь одного молодого наблюдателя. Наши симпатии были всецело на стороне Турции, но, как и в случае Англо-бур-

ской войны, мы были подвижны в большей мере чувствами, нежели разумными политическими соображениями. Со своей стороны, державы Тройственного союза не заявили формального протеста против итальянской агрессии, а Британия воспрепятствовала проходу турецких войск через Египет.

Итальянцы, по всей видимости, считали, что у современной армии не может быть особых проблем в действиях против туземных племен (позднее они совершили ту же самую ошибку во время абиссинской войны), но на деле они столкнулись с продолжительным отчаянным сопротивлением. Это нападение отозвалось долгим эхом в истории: турки никогда не забывали вторжения в мирную часть своей территории. Когда Муссолини выдвинул в 1939 году лозунг «*Mare Nostrum*»¹³ и напал на Албанию, турки моментально вступили в военный союз с Францией и Великобританией.

Ливийский конфликт был только симптомом растущего в Европе напряжения, вызванного в основном происками России на юге и на западе и австрийской политикой расширения своего влияния на Балканах. «Сердечное согласие» между Британией и Францией изменило баланс сил в Европе в пользу России и лишило Германию той уверенности в собственной безопасности, которая существовала когда-то благодаря британской поддержке. Что же до наших отношений с Францией, то они так никогда и не наладились со времени

¹³ Наше море (*лат.*). Доктрина о преобладающем влиянии Италии в Средиземноморье. (*Примеч. пер.*)

войны 1870 года.

Когда в 1911 году султан Мула Хафид по наущению Франции запросил у нее помощи и французы оккупировали Фец, Германия расценила это как нарушение соглашения в Альхесирасе. «Прыжок пантеры» в Агадир¹⁴ – был в нем какой-либо смысл или нет, отношения к делу не имеет – произвел больший эффект в Лондоне, чем в Париже. Сэр Эдвард Грей назвал инцидент «неспровоцированным нападением», а Ллойд Джордж произнес исполненную критического пафоса речь. Было ясно, что Британия рассматривает германское присутствие на марокканском побережье как угрозу своим интересам в Средиземноморье.

Даже британские историки в настоящее время рассматривают вопрос о германском вмешательстве в марокканскую проблему более объективно. И все же при этом явно недооценивается та роль, которую сыграли действия кайзера в мирном разрешении конфликта. Французы получили

¹⁴ После того как конференция в Альхесирасе в 1906 году поставила марокканскую экономику под международный контроль (причем особое положение Франции было признано Германией), между двумя странами оставалось много противоречий. Они вышли на передний план, когда после восстания туземцев в Фесе в октябре 1910 года и освобождения осажденного города французским экспедиционным отрядом в марте 1911 года Германия 1 июля направила в Марокко «для защиты германских интересов» канонерскую лодку «Пантера». Поскольку Британия твердо придерживалась договора о «сердечном согласии», война казалась неизбежной, и все же, после сложных переговоров, 4 ноября 1911 года благодаря уступке Германии части французского Конго соглашение было достигнуто. (Примеч. авт.)

все желаемое и в 1912 году установили свой протекторат над Марокко. Самым печальным результатом было дальнейшее расхождение позиций Великобритании и Германии. Наши протурецкие симпатии во время ливийского конфликта уже повлекли за собой укрепление связей между итальянцами и Антантой, в результате чего Италия постепенно начала все теснее сближаться с Великобританией. Это еще больше ослабляло позицию центральных держав.

Все укреплявшиеся дружественные отношения между Германией и Турцией и переговоры о постройке Багдадской железной дороги рассматривались в Британии как угроза жизненно важным коммуникациям империи. Ошибка германской внешней политики состояла в том, что Германия не сумела с полной ясностью продемонстрировать свои намерения. У нас не было желания угрожать британским интересам на Ближнем и Среднем Востоке, мы лишь изыскивали рынки для экспорта продукции нашей растущей промышленности. Положение Германии не способствовало развитию экспансионистских устремлений на Востоке, поскольку мы вступили в эту игру с опозданием на целое столетие. Наверняка наши попытки мирным путем приобрести новые коммерческие рынки можно было рассматривать с меньшим критицизмом, хотя бы при этом и возникал конфликт с уже присутствующими там интересами.

В октябре 1912 года в Уши был подписан мирный договор, лишивший Турцию Ливии и островов Додеканес. Тем

временем над Турцией нависла новая угроза. Под патронажем России Сербия, Болгария, Греция и Черногория заключили секретный антитурецкий альянс. В октябре Черногория начала боевые действия, и к началу 1913 года сложилась ситуация, грозившая войной между Австрией и Россией. Кайзер не пожелал гарантировать помощь своей страны, в этом он был верен традиции политики Бисмарка, в соответствии с которой Германия может вмешаться в балканские дела только в случае угрозы самому существованию нашего союзника – Австрии. В тесном сотрудничестве с британским правительством европейский мир удалось сохранить. Тем не менее, вопреки лондонскому соглашению от декабря 1912 года, балканский конфликт продолжал развиваться. Энвер-паша, защитник Ливии, сверг турецкое правительство с помощью комитета «Progrus et Union»¹⁵. Мир не был окончательно заключен вплоть до мая 1913 года. Греция получила Салоники и остров Крит, Сербия – северную Македонию, а Болгария – Траче и побережье Эгейского моря.

Вскоре после этого Болгария напала на Сербию и Грецию, но потерпела поражение, в то время как турки вернули себе Адрианополь. Этот конфликт завершился в августе подписанием в 1913 году в Бухаресте соглашения, по условиям которого Болгария вновь теряла Македонию и Эгейское побережье и должна была уступить Румынии Добруджу. Чтобы избежать доминирования Сербии на побережье Эгейско-

¹⁵ Прогресс и единение (фр.). (Примеч. пер.)

го моря, Албании была предоставлена независимость. Мой коллега по Генеральному штабу, принц Цу Вид, был предложен Германией в 1913 году кандидатом на албанский трон, но его короткое правление больше походило на фарс. Я так и не смог понять, почему в этот беспокойный уголок Европы не был послан, ввиду близкого знакомства с регионом, кто-либо из опытных сторонников дома Габсбургов.

То, что балканский конфликт не привел к всеобщей войне, объясняется почти всецело тесным сотрудничеством между правительствами Великобритании и Германии. К несчастью, наши надежды на то, что это сотрудничество послужит к некоторому ослаблению общей напряженности, не оправдались. Наши трудности в отношениях с Францией по поводу марокканских дел только усугубились, а связь между Парижем и Санкт-Петербургом продолжала крепнуть. Британское правительство не предпринимало никаких усилий для ослабления напряженности – даже тогда, когда царь объявил, что Россия будет поддерживать Сербию всеми возможными средствами, – что являлось прямым вторжением в сферу влияния Австрии, которое было, по-видимому, проведено с полного одобрения французского правительства.

Наши старания достичь взаимопонимания с Великобританией оказались успешными только отчасти. В июне 1914 года конфликт интересов, порожденный проектом строительства Багдадской железной дороги, был урегулирован благодаря признанию Германией британских прав в Персид-

ском заливе в обмен на признание германских интересов в Месопотамии. Это, однако, не ослабило основных противоречий в европейской сфере или в военно-морских делах. Попытка лорда Холдейна достичь в последнем вопросе компромисса успеха не имела. Напряженность в отношениях была очень высока, когда 28 июня 1914 года в Сараеве прогремели фатальные выстрелы.

И вновь возникла сложность в толковании принципа Бисмарка, согласно которому Германия ни в коем случае не должна вмешиваться в балканские дела. Как только стало ясно, что конфликт грозит перерасти границы Австрии и Сербии и что Россия намерена прийти Сербии на помощь, дунайская монархия оказалась в прямой опасности и возникла угроза даже положению самой Германии. Согласиться с русскими домогательствами относительно Константинополя и на Балканах означало бы оставить баланс власти в Европе на откуп политике Санкт-Петербурга. Мир и европейское равновесие можно было сохранить только при условии, что Британия и Германия приложат совместные усилия. Но британское правительство приняло иное решение. На короткое время ситуация оставалась неопределенной. Австрийское правительство искало действенной германской помощи, тогда как мы сосредоточили усилия на попытках предотвратить начало всеобщего военного конфликта. Германская политика оказалась робкой и неуверенной. Царь объявил частичную мобилизацию, направленную против Австрии, но, за его

спиной, военный министр проводил также и полную мобилизацию против Германии. Россия намеревалась начать войну.

Я уже упоминал о неразрывности всей германской истории. Начиная с Карла Великого и обращения в христианство территорий между Эльбой, Одером и Вислой и присоединения германскими рыцарскими орденами Пруссии и Прибалтийских стран германская нация всегда выполняла долг по защите в Центральной Европе не только классических культурных традиций, но даже и самой концепции христианства. Будь то Чингисхан у Лейпцига, или турки под стенами Вены, или стремление России к незамерзающим портам Запада – мы всегда принимали первый удар, защищая Европу от нападений из Азии.

Ощущение исторической миссии имеет глубокие корни в сознании любого немца. Противоречия, вылившиеся в Первую мировую войну, можно рассматривать только под этим углом зрения. Могут возразить, что в этой исторической преемственности случались разрывы. Действительно, время от времени Пруссия пыталась объединиться с Россией ради достижения некоторых ограниченных целей, и на протяжении истории было предпринято несколько попыток включить Россию в семью европейских народов. Примером одной такой попытки являлся союз Австрии, Великобритании и Пруссии с Россией против Наполеона, но государственные мужи того времени совершили ту же самую ошиб-

ку, что и Рузвельт в Ялте: Россия является азиатской державой и, как таковая, не поддается европеизации.

В нынешней мировой ситуации Запад оказался лицом к лицу с проблемой, которая стояла перед Германией на протяжении столетий. Возможно, сказанное немного облегчит понимание того, почему я и многие из моих соотечественников посчитали условия Версальского договора по отношению к Германии столь несправедливыми и неразумными, особенно в ситуации, когда мы были обязаны бороться с тоталитарными доктринами большевизма. Тот факт, что многие из нас увидели в растущей нацистской партии надежду обрести нового полезного союзника в борьбе с коммунистической идеологией, быть может, позволит историкам рассматривать наши ошибки в несколько менее критическом свете.

Я не пытаюсь отрицать многие просчеты наших государственных деятелей эпохи Вильгельма. После ухода со сцены Бисмарка наша внешняя политика стала путаной и часто несокомерной, а отношения с некоторыми из наших соседей – психологически нерасчетливыми. Планы экономической и колониальной экспансии, результаты нашей внезапной индустриализации, военно– морская политика, наше политическое вмешательство в сферу интересов других держав заслужили нам репутацию крайне неудобного соседа. Несмотря на все это, непредвзятый исследователь должен признать сегодня, что кайзер не стремился к войне. Германский народ

вступил в 1914 году в конфликт с искренней верой в то, что он участвует в оборонительной войне. Французская политика начиная с 1871 года всегда проводилась с оглядкой на возможность возвращения Эльзаса и Лотарингии («*Pensons-y toujours, n'en parlons jamais*»¹⁶), а Россия стремилась восстановить хотя бы часть своего престижа, потерянного в результате поражения в войне на Дальнем Востоке, путем достижения некоторых из своих европейских целей. Германия и Великобритания вступили в войну, не имея каких бы то ни было территориальных требований, для удовлетворения которых была бы необходима война.

Нас обвиняли в том, что мы начали с вторжения на территорию нейтрального государства. Без сомнения, наши действия с самого начала настроили против нас мировое общественное мнение, но, хотя и находясь в противоречии с международными законами, эти действия, по крайней мере, не были мотивированы территориальными притязаниями. Так вышло в основном из-за отсутствия должной взаимосвязи между военным начальством, ответственным за разработку плана боевых действий, и политическими лидерами страны. С точки зрения Генерального штаба, чисто технической, война на два фронта может вестись успешно только при условии, что на одном из них немедленно будет достигнут ощутимый военный результат. Безграничность простирающегося на восток пространства исключала достижение

¹⁶ Думаем всегда, но никогда не говорим вслух (фр.). (Примеч. пер.)

какого бы то ни было результата на этом направлении, что вынуждало нас сконцентрироваться на французском фронте. План Шлифена предусматривал обходное движение вокруг северного фланга французской обороны, которое могло быть выполнено только по территории Бельгии. В момент вступления в войну России Франция в соответствии с условиями договора последовала ее примеру, в результате чего наш план боевых операций автоматически вступал в действие.

Вина политических лидеров нашей страны заключалась в том, что они не озаботились дать Генеральному штабу указание разработать альтернативный план кампании против Франции, который можно было бы приспособить к господствующей политической ситуации. Я слышал от друзей в Генеральном штабе, что, когда германский канцлер Бетман-Гольвег высказал пожелание уважать бельгийский нейтралитет, Мольтке был вынужден ответить, что план кампании предусматривает движение через бельгийскую территорию и его нельзя изменить без риска проиграть войну в первый же день. Я разделял с миллионами моих соотечественников убеждение, что мы участвуем в сугубо оборонительной войне, необходимой для защиты нашего исторического положения в центре Европы.

Глава 3

Америка и война

Легенды и факты. – Изоляция Бернсторфа. – Организация разведывательной работы. – История с каналом Велланд и мостом Вэнсборо. – Сэр Роджер Кезмент. – Мы захватываем контроль за рынком боеприпасов. – Дискуссия о подводных лодках. – «Лузитания». – Бумаги Альберта. – Фон Ринтелен. – Письмо Думбы. – Persona non grata

Если бы я не был постоянно на протяжении всей жизни столь напряженно занят, то непременно постарался бы раньше исправить тот обильный урожай слухов, что выросли вокруг моего имени. Время от времени выходили мои биографии, состоящие в большей или меньшей степени из вымыслов, в которых различные эпизоды моей карьеры подавались как сенсация. Объединяло все эти книги то, что они начинались с изобретения в высшей степени колоритных легенд о моей деятельности в Соединенных Штатах на протяжении первых полутора лет войны.

Мне приписывалось создание широко разветвленной сети саботажников, организация забастовок в доках и на военных предприятиях, использование целой команды бомбистов и искусное управление работой целой армии секретных агентов. Изложение истинных фактов сильно разочарует, по-

лагаю, тех из моих читателей, которые надеялись получить подтверждение этих старых сенсационных историй. Следует понимать, что репутация, приобретенная мной в те дни, была умышленно взлелеяна отлично организованной пропагандистской службой союзников в рамках их кампании, направленной на разжигание в Соединенных Штатах страстей до состояния, которое оправдывало бы активное вмешательство этой страны в войну. Все это было частью процесса, получившего ныне велеречивое название «психологическая война». Тут у союзников были все преимущества в средствах коммуникации и, я должен добавить, преимущество в изобретательности. В дополнение к бесконечному потоку поступавших с фронтов войны измышлений о зверствах наших войск и к изображению имперской Германии как наиболее недемократичного, милитаристского и криминального режима в истории, описание воображаемой подрывной деятельности германского военного атташе являлось еще одним полезным стрекалом, с помощью которого было удобно будировать правительство Соединенных Штатов.

В конце войны предоставлялось мало возможностей опровергнуть эти рассказы, по крайней мере в такой форме, которая могла бы привлечь внимание массовой публики. Меня вызывали свидетелем в комиссию, созданную германским правительством для расследования причин войны, и я смог продемонстрировать полнейшую лживость пропаганды, казавшейся моей деятельностью. Я не могу себе представить,

чтобы за пределами страны многие читали мои показания; в любом случае, к тому времени этот вопрос представлял уже только академический интерес. Официальная история войны милосердно меня почти не упоминает, и потому, когда я стал в 1932 году германским канцлером, мне было неловко видеть, как ворох забытых нелепостей был вновь обрушен на мою голову наиболее популярными печатными изданиями. Даже тогда давление событий не дало мне возможности ответить на эти измышления, а с тех пор произошло так много событий, что теперь, кажется, уже поздно и пытаться. Тем не менее, если этот рассказ о моей жизни претендует на полноту, игнорировать тот период невозможно.

По возвращении из Мексики я оказался в незавидном положении единственного военного представителя центральных держав в Соединенных Штатах. Австро-Венгрия, Болгария и Турция не имели в Соединенных Штатах военных или морских атташе, и вся ответственность по информированию Германии и ее союзников о развитии военно-политической ситуации на североамериканском континенте ложилась на меня. Более того, количество наших официальных лиц здесь было столь ограничено, а физические контакты с Германией так затруднены, что я был призван заниматься все расширяющимся кругом обязанностей.

Деятельность германского посольства в Вашингтоне стала совершенно неэффективной. Министерство иностранных дел в Берлине было настолько не готово к войне, что даже

не предусмотрело возможности отключения британцами кабельного телеграфного сообщения. Командование Королевского военно-морского флота отрезало Германию от остального мира как физически, так и экономически, и прошло несколько месяцев, прежде чем Бернсторф смог снова посылать отчеты в Берлин – через Швецию.

По крайней мере в этом отношении Генеральный штаб оказался более предусмотрительным. В моем сейфе в посольстве покоился длинный толстый конверт, в котором находились точные инструкции касательно моих действий в случае войны. Обычная деятельность военного атташе является своего рода официально признанным «шпионажем». Однако, когда его страна находится в состоянии войны, эта деятельность становится более обременительной и сложной. Я был молодым офицером, малоопытным в делах такого рода, а потому легко вообразить мои чувства в тот момент, когда я взламывал печати и извлекал из конверта его содержимое. Мне предписывалось добывать всю возможную информацию, касающуюся вражеских и нейтральных стран, которая могла бы иметь отношение к войне. В конверте содержался еще список адресов коммерческих фирм в нейтральных странах и код, при помощи которого я мог посылать военную информацию под видом коммерческих депеш. Также мне был дан адрес германской фирмы на Ганновер-стрит в Нью-Йорке, которую мне впредь следовало использовать как постоянную штаб-квартиру.

Наши противники очень рано установили жесткий контроль над прессой, но тем не менее сохранялась возможность извлекать из печати значительное количество информации, читая между строк. Корреспонденты американских газет в Великобритании сохраняли на ранних этапах войны значительную свободу, и их сообщения содержали много полезных данных. К примеру, я смог информировать Генеральный штаб, что часть Британского экспедиционного корпуса примерно в 60 000 человек высадилась в Абвиле. Деша, отправленная мной по этому случаю, в действительности имела такой вид: «60 000 кип хлопка франкоборт Александрия приобретено за столько-то долларов для доставки в Геную», к чему были добавлены еще детали, касающиеся прибытия части груза и возможности отправки добавочных партий через другие итальянские порты.

Это сообщение было отправлено нескольким фирмам – импортерам хлопка в Италии, Голландии и Швеции. Другие сообщения, касавшиеся поставок сахара, нефти и других аналогичных товаров, в действительности содержали информацию о боевых операциях в Бельгии и Франции, выбранную из американской прессы, или доклады о реакции Соединенных Штатов. Позднее мои предложения о монополизации приобретения вооружений и боеприпасов американского производства были отосланы по тем же каналам.

К несчастью, в течение многих месяцев таким путем обеспечивалась только односторонняя связь. Более всего раздра-

жала полнейшая лживость появлявшихся в американской прессе отчетов о боевых действиях во Франции. В них сообщалось исключительно о поражениях немцев, хотя внимательный читатель мог заметить, что упоминавшиеся в печати географические названия указывали на вполне уверенное продвижение вперед германских войск на правом фланге их армейских группировок. Я неоднократно просил Берлин доставлять нам ежедневные сводки боевых действий, но этот вопрос не получил практического разрешения, а беспроволочная связь с все еще слабой радиостанцией в Науэне постоянно прерывалась атмосферными помехами.

Худшим следствием этой изоляции явилось то, что наши противники заполняли информационный вакуум фантастически бесстыдной пропагандой. Нельзя отрицать, что наши оправдания вторжения в Бельгию были предельно наивными. План Шлиффена, предусматривавший сильный обходной удар на правом фланге через Бельгию и департамент Па-де-Кале в направлении Парижа с целью взятия основной французской линии обороны по линии Бельфор – Туль – Верден с тыла, основывался на предположении, что Франция начнет боевые действия с движения через Бельгию для нанесения удара по Руру. Поскольку в действительности ничего подобного французы не предприняли, западные державы смогли заклеить наше нарушение бельгийского нейтралитета как тяжелейшее отступление от норм международного права. Это утверждение было с готовностью подхвачено в Со-

единенных Штатах, и вторжение в Бельгию с самого начала погубило репутацию нашего дела в глазах американцев. Быть может, даже столько времени спустя целесообразно отметить, что официальные исследования того периода доказывают, что бельгийские, французские и британские генеральные штабы в действительности вели обязывающие переговоры, касавшиеся именно такого французского наступления через бельгийскую территорию.

Наше положение еще больше осложнялось тем, что Бернсторф не имел практически никаких контактов с президентом Вильсоном. Так случилось в значительной мере из-за атмосферы, в которой велась борьба на президентских выборах в Америке. Вильсон был избран при поддержке Уильяма Дженнингса Брайана, основой предвыборной тактики которого было гневное обличение «привилегированных и рвущихся к власти классов» на примере Дж. Пирпойнта Моргана, Августа Белмонта и других финансовых тузов того времени. Поскольку эти джентльмены принадлежали к социальному слою, в котором вращалось и большинство пожилых аристократов, составлявших дипломатический корпус, то демократов рассматривали в этих кругах как своего рода отщепенцев. Брайана, который стал государственным секретарем, избегали как дикаря, от которого дипломатам следует держаться как можно дальше. Они многие годы контактировали почти исключительно с республиканцами, которых инстинктивно поддерживало большинство американ-

цев немецкого происхождения. В связи с этим интересно порассуждать на тему о том, вступили бы Соединенные Штаты в войну, если бы на пост президента был переизбран Теодор Рузвельт. Значительно более вероятно, что он предпочел бы ограничиться ролью посредника, аналогичной той, которую он сыграл после Русско-японской войны. Балканизацию Европы можно было предотвратить только опираясь на влияние нейтральной и незаинтересованной великой державы, каковой Соединенные Штаты, после прихода к власти Вильсона, более не являлись.

Мы делали все возможное, чтобы организовать информационную службу и представить американскому народу германскую точку зрения, но трудности со связью вели к тому, что наши сообщения и коммюнике прибывали слишком поздно для публикации. При поддержке некоторых немецких организаций и немецкоязычной прессы¹⁷ мы образовали комитет по пропаганде. Германские эмигранты давно уже создали различные общества для сохранения связи с традициями своей родины, и их симпатии, естественно, были на стороне Германии. Не изменяя ни в малейшей степени стране, которая их усыновила, они старались выразить свои чувства, требуя от Соединенных Штатов сохранения строгого нейтралитета. Вскоре они попали под бешеную критику со сторо-

¹⁷ «Кроме того, в нашем распоряжении был еженедельник Джорджа Сильвестра Фирека «Фатерланд», который сослужил ценную службу германскому делу» («Распространение микробов ненависти», 1930 г.). (Примеч. авт.)

ны той части прессы, которая по-настоящему управляла общественным мнением и которая, с самого начала, призывала к вмешательству американцев в европейские дела. Немцы в Америке обыкновенно осуществляли свое политическое влияние через посредство республиканской партии и имели очень мало точек соприкосновения с восторжествовавшими теперь демократами. Поэтому оказалось очень легко противопоставить их деятельности обыкновенную ругань, утверждения об отсутствии у них простого понятия об американских идеалах, а также обвинения в изменнических настроениях, с добавлением определения «пришлые американцы».

Вот в каких условиях я был призван на защиту германских интересов в стране, которой было суждено сыграть решающую роль в мировом конфликте. Я и не думаю скрывать того факта, что принимал участие в двух видах деятельности, вступавших в противоречие с буквой закона Соединенных Штатов. В двух случаях были сделаны попытки задержать перевозку в пределах Канады подкреплений, предназначавшихся для европейского театра военных действий, путем подрыва ключевых инженерных сооружений на Канадской Тихоокеанской железной дороге. Первая из этих попыток была предпринята первой военной зимой, а вторая, под давлением германского Генерального штаба, следующим летом. Я также организовал изготовление фальшивых паспортов для некоторых важных фигур германской эмиграции, горевших желанием вернуться и служить в вооруженных силах

своей страны. В то же время хочу отметить, что ничто в моих действиях не представляло угрозы ни для жизни американцев, ни для безопасности Америки, хотя, в строго юридическом смысле, использование нейтральной территории в качестве базы для таких действий незаконно.

В течение первых нескольких недель конфликта меня осаждало множество самых разных людей со своими планами ведения войны, новыми изобретениями и иными невероятными проектами. Среди них был один молодой человек, идея которого состояла в том, чтобы затруднить отправку из Канады воинских частей и военных грузов, замедляя, сколько возможно, прибытие британских подкреплений во Францию. Эта идея – затормозить прибытие британских и канадских дивизий во Францию – показалась мне стоящей. Упомянутый молодой человек предложил проект – как взорвать железнодорожный мост через канал Велланд в Канаде. Канада была воюющей стороной, и такого рода действия казались совершенно оправданными. Я передал ему 500 долларов, а мои друзья в Нью-Йорке снабдили его взрывчаткой. Попытка провалилась, и двое ее участников были арестованы. Тот молодой человек представился мне как Хорст фон дер Гольц, а в Канаду отправился под фамилией Бриджмен-Тейлор. Позднее я выяснил, что его рассказы о своей прошлой жизни и о службе в германской армии были чистейшим вымыслом. В канадском предприятии оказался замешан еще один человек – некий офицер запаса, которого

звали Вернер Горн. Установленная союзниками блокада помешала ему возвратиться в Германию для прохождения воинской службы, и он отдал себя в мое распоряжение. Он был послан взорвать мост через реку Святого Креста в Вэнсборо, но был арестован еще на этапе планирования операции.

Должен признать, что упомянутые дела были проведены мной не лучшим образом, что можно объяснить неразберихой того начального периода войны и отсутствием у меня опыта в этой области. Даже успех этих операций никоим образом не мог бы оправдать связанный с ними политический риск. Этот урок я выучил очень скоро, поскольку Гольц обернулся мелким шантажистом и постоянно угрожал какими-то разоблачениями, если я не соглашусь в достаточной мере его подкармливать. Я решил впредь самым тщательным образом исследовать подобные предложения, чтобы ненароком не выйти за границы законов Соединенных Штатов.

Но летом 1915 года германский Генеральный штаб, по всей видимости, решился пойти на риск оскорбления американского общественного мнения проведением еще одной подобной акции. Я получил новые указания прервать перевозки войск по Канадской Тихоокеанской железной дороге. Планировалось крупное наступление против России, и на Западном фронте были оставлены только слабые заградительные части. Было необходимо воспрепятствовать усилению войск союзников, и в случае, если бы японские или канадские части были посланы на Западный фронт, мне сле-

довало организовать подрыв железнодорожной линии в подходящих пунктах. Юридическим обоснованием такого шага являлось то, что коль скоро доктрина Монро препятствует вмешательству европейских держав в дела североамериканского континента, то и североамериканские державы не должны вмешиваться в дела Европы.

Господин фон Рейсвиц, германский консул в Чикаго, представил мне некоего Альберта Кальтшмидта как человека заслуживающего доверия, и я дал ему задание разработать планы нападения на железную дорогу. Он, однако, вынашивал значительно более серьезные идеи и намеревался взрывать заводы по производству оружия. Об этом я строго запретил ему даже и думать. Двое из его помощников были арестованы во время поисков подходящего места для нападения на Канадскую Тихоокеанскую железнодорожную линию и сделали длинные и подробные признания. Дальше этого дело так и не пошло, потому что в то время по этой железной дороге никаких войск не перевозилось, а потому и попытки ее перерезать были отставлены.

Подделка паспортов была более или менее навязана нам необходимостью преодоления союзной блокады хотя бы некоторыми из тысяч германских резервистов, которые осаждали наши консульство и посольство в страстном желании вернуться домой и присоединиться к своим частям. Британский военно-морской флот полностью контролировал моря, и все германцы, путешествовавшие на судах нейтраль-

ных стран, забирались в плен. Поэтому мы были вынуждены просить большинство из наших молодых людей оставаться в Америке, но в случае, если они владели какими-либо техническими или иными профессиональными знаниями и квалификацией, мы предпринимали все возможное, чтобы снабдить их документами, которые бы позволили им добраться до дому. Я назначил ответственным за эту работу офицера запаса по фамилии фон Веделл, и в результате некоторое количество людей смогли прорваться через блокаду.

Кроме того, я старался в максимальной степени тревожить наших врагов, оказывая, где только возможно, помощь движениям борцов за независимость Индии и Ирландии. Об индусах я еще упомяну в своем месте. Ирландцы были для нас куда важнее, в особенности принимая во внимание большое число людей ирландского происхождения в Америке. Их вождем был мистер Джон Девой, издатель журнала «Гэльский американец». Он познакомил меня с сэром Роджером Кезментом, которого я часто видел в Нью-Йорке в первые недели войны. Он был фанатичным противником всего английского и был готов использовать любые способы для достижения независимости Ирландии. Он полагал, что наиболее прямой путь к этому связан с военной победой Германии, и я порекомендовал ему отправиться в Берлин и обсудить там меры, могущие способствовать разгрому Британии. Он был крайне встревожен поднимавшейся в Соединенных Штатах волной просоюзнических настроений и начав-

шейся материальной поддержкой держав Антанты. Добравшись до Берлина, он, кажется, рекомендовал там в первую очередь прервать этот поток военных поставок при помощи актов саботажа.

26 января 1915 года я получил из Генерального штаба депешу с перечислением имен некоторых ирландских националистов, на которых я мог положиться при выполнении работы такого рода. Однако после взрыва негодования, вызванного инцидентом у моста Вэнсборо, я был настроен решительно против любых подобных действий. Атмосфера в Соединенных Штатах в то время была такова, что было невозможно рисковать еще больше возбудить общественное мнение, устраивая акты саботажа, и потому я даже не пытался предпринять что-либо для того, чтобы следовать предложениям Кезмента. Его дальнейшая деятельность целиком лежала вне сферы моих интересов, и я более не имел с ним никаких контактов. Следует напомнить, что он высадился с небольшой группой своих сторонников на южном берегу Ирландии с германской подводной лодки на Пасху 1916 года. Он был арестован и позднее повешен в Пентонвиле. Я помню его как честного и бесстрашного патриота, готового рисковать жизнью ради достижения своих целей.

Вскоре я убедился, что мне необходима профессиональная помощь для сбора полезной информации. Кроме того, мы нуждались в организации системы обеспечения безопасности для охраны наших секретов от любопытных глаз

вражеских разведывательных служб. Пароходная компания «Гамбург – Америка» в своей портовой конторе в Нью-Йорке пользовалась услугами частного детектива по имени Пауль Кёниг, и, поскольку их линия в связи с войной более не работала, его рекомендовали мне. Это был абсолютно надежный и в высшей степени умный человек, и я поручил ему работу по сбору всех возможных сведений, касавшихся отправки в Европу военной продукции. В этом вопросе он весьма преуспел, и я получил возможность непрерывно информировать Генеральный штаб о характере и количествах отправляемых грузов.

В обязанности Кёнига входило также наблюдение за информаторами и агентами союзников, которые пытались проникнуть в секреты нашей деятельности, еще он отвечал за нашу систему безопасности. На него работало несколько агентов, большинство из которых было мне незнакомо, но никогда ни он сам, ни эти агенты не получали указаний проводить акты саботажа. Напротив, когда неизвестные нам люди приходили с утверждениями о том, что будто бы совершили такие-то и такие-то действия в пользу Фатерланда, Кёниг должен был устраивать им проверку. Поскольку я был совершенным новичком в делах «плаща и кинжала», он давал мне уроки на предмет ухода от слежки. Обыкновенно мы заходили в большой универсальный магазин, садились в один из лифтов, пересаживались на разных этажах и ездили вверх и вниз до тех пор, пока с нами не оставалось никого

из тех пассажиров, которые сели вместе с нами. Эти уловки считались превосходным способом избавления от негласного наблюдения, но должен сознаться, что деятельность такого рода импонировала мне весьма слабо.

После битвы на Марне стало ясно, что война будет продолжаться еще очень долго и победа придет в конце концов к той стороне, у которой будет больше материальных резервов. Поэтому решающим фактором становились производственные мощности Соединенных Штатов. Даже если Америка сохранит нейтралитет, было очень мало шансов, что центральные державы смогут снабжаться отсюда вопреки британской морской блокаде. Тем не менее не существовало никаких причин не препятствовать союзным державам использовать американский промышленный потенциал.

Когда я встречался с кайзером и с Мольтке в декабре 1913 года перед отъездом в Соединенные Штаты, они оба указывали на возможность европейской войны. Несмотря на это, я не получил определенных указаний касательно линии поведения, которой мне следовало бы придерживаться в случае ее начала. Ни у одного из них не возникало и мысли, что Америка может играть сколько-нибудь важную роль при таком развитии событий. У меня очень быстро создалось совершенно иное представление о потенциале американского промышленного производства, и в своем докладе германскому военному министерству от 12 сентября 1914 года я

высказал мысль, что небольшое число американских военных предприятий необходимо загрузить достаточным количеством германских заказов. На ранней стадии войны эта идея должна была казаться довольно странной, и я даже не получил ответа на свое предложение, несмотря на то что послал примерно месяц спустя дополнительную телеграмму-напоминание по этому поводу. А тем временем закупочные агенты союзников начали массами прибывать в Америку для заключения контрактов на поставку оружия. Поначалу они столкнулись со значительными трудностями. Насколько мне известно, здесь существовал один-единственный завод по производству оружейных стволов и только два крупных концерна, выпускавшие порох, – «Дюпон паудер компани» и «Этна паудер компани». Новые заказы могли быть выполнены только путем строительства новых заводов.

Не имея точных указаний на то, как долго может продлиться война, американцы не были склонны идти на необоснованный коммерческий риск. Они не желали остаться в случае неожиданного окончания войны с множеством невостребованных предприятий на руках. Цены на эти гигантские заказы возросли до такого уровня, что появилась возможность восполнить затраты на строительство дополнительных заводов, и вся проблема стала предметом продолжительных и сложных переговоров. Я был хорошо осведомлен обо всем этом, поскольку крупные американские банки имели в числе сотрудников американцев немецкого проис-

хождения, которые снабжали нас весьма подробной информацией обо всех сделках, зачастую – по собственной инициативе, без нашей просьбы. Как только общая ситуация прояснилась, я решил предпринять все возможные шаги с целью затянуть насколько возможно строительство этих новых оружейных заводов. Я представил свой план военному министерству, которое должно было одобрить его выполнение в рамках совершенно законной схемы, и наконец 24 марта 1915 года получил разрешение.

План был относительно прост. Мой американский друг, мистер Джордж Ходли, получал контракт на строительство большого завода по производству орудий и боеприпасов, получившего название «Бриджпорт проджектайл компани». Этот завод должен был работать, по всем внешним формальным признакам, как американское предприятие и получать заказы от союзных держав. Все фирмы Соединенных Штатов, изготавливающие станки, гидравлические прессы и прокатные станы для военной промышленности, получили от нашей компании достаточно заказов, чтобы работать в течение двух лет на пределе производственных мощностей. Когда весной 1915 года союзники наконец урегулировали свои денежные проблемы и приступили к размещению заказов, выяснилось, что все подрядчики, имеющие оборудование, необходимое для строительства новых заводов, полностью загружены заказами. Наш секрет тщательно оберегался, и общее мнение было таково, что какие-то другие американ-

ские фирмы скупили все оборудование с целью выполнения заказов союзников. Я полагаю, что в наши дни мистер Ходли вполне мог бы предстать перед комиссией по расследованию антиамериканской деятельности, но в действительности он был настоящим американским патриотом, который искренне не понимал, почему от нейтралитета его страны должна получать выгоду только одна из воюющих сторон. Нейтральное государство может вести торговлю с кем ему только вздумается, а в 1914 году британская пропаганда еще не преуспела в своем стремлении приписать Германии желание покорить весь мир.

Компании «Бриджпорт» удалось, кроме прочего, загрузить все производство «Этна паудер компани» вплоть до конца 1915 года заказами на 5 миллионов фунтов пороха. Случайно копия моего доклада в Берлин, касающегося подписания этого контракта, находится среди тех немногих документов, которые мне удалось сохранить. Я вижу, что главной моей проблемой тогда был вопрос, где хранить это гигантское количество взрывчатых веществ, поскольку по договору мы должны были платить за хранение по одному центу за фунт в месяц, если отгрузка не произойдет в первые тридцать дней. В конце концов нам удалось построить подходящее складское помещение на участке, принадлежавшем компании «Бриджпорт». Еще одну палку в колесо нам удалось воткнуть, разместив заказы на двухгодичный выпуск специальных контейнеров, применявшихся при изготовле-

нии взрывчатки.

Объем производства взрывчатых веществ зависит в очень большой степени от количества выпускаемого кокса, и внезапный рост числа заказов повлек за собой необходимость расширения мощностей коксовых печей. Строительство заводов такого типа в течение многих лет было специально некой германской фирмы, имевшей в Соединенных Штатах отделения со своим собственным штатом инженеров, работавших в тесном контакте с американской тяжелой промышленностью. Мне удалось в рамках нашего общего плана убедить их замедлить темпы работы.

Финансирование всех этих мероприятий производил герр Альберт, который являлся финансовым советником нашего посольства. Изыскание средств не представляло особых сложностей. Для германского Красного Креста собирались колоссальные суммы, а так как эти деньги нельзя было перевести в Германию обычным способом, мы время от времени извещали Берлин о количестве собранных средств, в результате чего в Германии в распоряжение Красного Креста поступал эквивалент этих капиталов в рейхсмарках. После этого мы могли использовать собранные доллары в Соединенных Штатах. Значительное общественное недовольство вызвали некоторые наши меры в отношении большого числа германских специалистов и служащих американских фирм, работавших по заказам союзников. Всем этим людям, окажись они в тот момент дома, пришлось бы служить в воору-

женных силах, и мы должны были бы их ради этого репатриировать, имей это какой-либо практический смысл. Многие из них были квалифицированными инженерами и техниками, занимавшими на производстве ключевые должности, и мы сочли возможным потребовать от тех из них, кто не имел американского гражданства, по крайней мере не способствовать активно военным усилиям союзников. Засим мы попросили их отказаться от работы в военной промышленности и создали собственную биржу труда, которая подбирала для них альтернативную работу в фирмах, по-прежнему занятых мирным производством. Все это было вполне законно.

Как я уже говорил, у нас на руках скапливалось все возрастающее количество взрывчатых веществ, и мы искали способы от них избавиться, не давая в то же время союзникам возможности ими воспользоваться. Какую-то часть от общего количества нам удалось продать в Мексику в рамках обыкновенной коммерческой сделки. Как мне известно, выдвигались предположения, будто бы эта продажа была частью долговременного заговора, достигшего в 1917 году кульминации в истории с телеграммой Циммермана¹⁸, предлагавшего объявление Мексикой войны Соединенным Штатам, но боюсь, что это слишком уж удобное объяснение. Мы также пытались избавиться от огромной массы бесполезных

¹⁸ Телеграмма заместителя германского министра иностранных дел Циммермана, предлагавшего правительству Мексики союз для совместного нападения на Соединенные Штаты. (*Примеч. пер.*)

военных материалов путем отправки их в другие нейтральные государства, такие как Норвегия, Швеция и Испания, и невозможно утверждать, что у нас были намерения заставить и эти страны объявить войну державам Антанты.

Моим основным сотрудником в мексиканских сделках был Карлос Гейнен, с которым я познакомился в Веракрусе, где он многие годы был главным представителем пароходной компании «Северогерманский Ллойд». Он также содействовал мне в выполнении другого плана, который мы разработали для оказания помощи индийским националистам. Мы конечно же не заходили так далеко, чтобы предполагать, будто есть вероятность достижения Индией независимости благодаря нашей поддержке, но существовал, возможно, шанс на разжигание в ней местных беспорядков, что могло бы ограничить численность индийских войск, посылаемых во Францию и на другие театры войны. Я получил от Альберта кредит в 200 000 долларов, а Таушер, представитель Круппа в Соединенных Штатах, обеспечил покупку оружия.

Индийцы устроили свой офис в доме № 364 по Западной 120-й улице в Нью-Йорке, и нашу связь с ними обеспечивал человек по имени Эрнст Секуна. Мы договорились, что груз оружия и боеприпасов следует отправить из Калифорнии в Мексику. По крайней мере, такой пункт назначения предполагалось указать в документах. Но, как только пароход «Энни Ларсен», на который было погружено оружие, вышел бы из Сан-Диего, он должен был направиться напрямиком к ост-

рову Сокорро в Тихом океане, где к нему должно было присоединиться специально зафрахтованное для наших целей нефтеналивное судно «Маверик». «Маверик» должен был принять груз оружия, упрятать его в своих танках и взять курс на Карачи.

Эта схема себя не оправдала, поскольку в назначенное время «Маверик» у острова Сокорро не появился. На острове не было пресной воды, а поскольку на борту «Энни Ларсен» не имелось опреснительной установки, пароход был вынужден вернуться и зайти в Хоаким. Тем временем информация дошла до британской разведки – каким путем, я так никогда и не узнал, – и «Маверик» был задержан сразу по прибытии к острову Сокорро. Корабль был обыскан от киля до клотика, но при этом, естественно, найдено ничего не было. Тем не менее с помощью чиновников Береговой охраны Соединенных Штатов «Энни Ларсен» был задержан, а его груз конфискован.

Тем временем германским интересам в Соединенных Штатах был нанесен непоправимый урон в ходе полемики по вопросу о подводных лодках. Германия объявила, что британская и французская военно-морская блокада не является «эффективной», поскольку германский военно-морской флот препятствует стремлению Великобритании и Франции блокировать германские гавани и побережье Северного моря. Поэтому блокада проводится в открытом море и имеет

целью отрезать центральные державы от заморской торговли, что противоречит нормам международного права. Правительство в Берлине заявило, что считает своей обязанностью бороться всеми имеющимися в его распоряжении средствами с попытками уморить голодом сто двадцать миллионов человек. Единственным действенным средством в этой борьбе может быть подводная война.

Это заявление привело Германию к прямому конфликту с правительством Соединенных Штатов. Вашингтон согласился с мнением Лондона о том, что действия подводных лодок должны подчиняться правилам ведения крейсерской войны. Другими словами, если подводная лодка намеревается потопить транспортное судно, она должна всплыть на поверхность, заставить корабль остановиться, проверить судовые документы и отправить груз на дно только после того, как будет обеспечена безопасность команды. Такие правила было невозможно соблюдать в подводной войне. Большинство транспортов было вооружено, и любая поднывавшаяся на поверхность подлодка была бы потоплена раньше, чем приступила бы к выполнению такого рода регламентированных обязанностей. При этом было бы совершенно невозможно принять на борт маленькой подводной лодки команду океанского парохода. В лучшем случае можно было бы дать этим людям время перейти в судовые шлюпки.

Есть более чем достаточно свидетельств, что германский флот выполнял свой долг с максимально возможной гуман-

ностью, зачастую ценой значительного риска для собственных команд подводных лодок. Несмотря на это, британское правительство объявило боевые действия с применением субмарин нарушением международного права, с чем немедленно согласилось и правительство Соединенных Штатов.

Когда правительство Германии запретило использование определенных районов океана вражескими судами и судами нейтральных государств, действующими в интересах противника, под угрозой их потопления без предупреждения, Вашингтон отреагировал очень энергично. Провозгласив принцип свободы морей, американцы заявили, что имеют право использовать океаны так, как сочтут нужным, и что любое ограничение этого права будет иметь серьезные последствия. Потребовалось почти тридцать лет, чтобы в международном праве были отражены требования, предъявляемые к подводной войне. В 1945 году в Нюрнберге германский военно-морской флот был вновь обвинен в нарушении международного права при ведении боевых действий с помощью подводных лодок. Адмирал Нимиц, командующий американским флотом, подтвердил, что военно-морской флот Соединенных Штатов в первый же день войны, в свою очередь, получил приказ немедленно топить вражеские корабли без предупреждения. Признав имевшее место нарушение международного права, трибунал встал на ту точку зрения, что, поскольку флот союзников применял такую же тактику, наказание не представляется возможным.

В 1915 году этот вопрос выдвинулся на передний план после потопления «Лузитании». В апреле Германия объявила о новом этапе подводной войны и предупредила американских граждан о недопустимости плавания через запретные зоны. 3 мая в Нью-Йорке было получено известие, что «Лузитания», один из крупнейших британских пассажирских лайнеров, потоплен и человеческие потери огромны. Корабль вышел из Нью-Йорка с американскими пассажирами на борту и небольшим грузом военного снаряжения. У меня до сих пор сохранилась копия секретного доклада, который я отправил в Берлин 3 мая 1915 года, содержавшего перечень грузов оружия, составленный детективом Кёнигом в ходе его повседневной работы. Там приведен список из двадцати восьми судов, вышедших из американских портов в различные европейские пункты назначения, включавший и «Лузитанию». В соответствии с докладом, она везла 12 ящиков детонаторов, 6026 ящиков патронов, 492 ящика различного военного снаряжения и 223 автомобильных колеса. Стоимость груза указана как превышающая полмиллиона долларов. Я подчеркиваю, что этот доклад был отправлен по почте в день потопления корабля и не мог быть связан с трагедией.

После получения известия о катастрофе пресса и общественное мнение Соединенных Штатов словно взорвались от ярости. Страну затопили протесты против «сатанинских и бесчеловечных» методов ведения войны, принятых на вооружение центральными державами. Случайно немец-

кая община Нью-Йорка назначила именно на этот вечер гала-представление оперы «Люэнгрин», дававшееся в помещении Метрополитен-оперы в пользу германского Красного Креста. Граф Бернсторф согласился быть патроном мероприятия, но его организаторы, ввиду шумных протестов прессы против всего германского, были склонны отменить представление. Мы сообщили им, что согласны на это в знак уважения к жертвам катастрофы, но ни в коем случае не можем одобрить отмену спектакля по политическим мотивам. Представление состоялось в заранее назначенное время и сопровождалось с обеих сторон сценами почти истерического накала как внутри, так и снаружи театра. Посол в последний момент решил не появляться на спектакле и попросил меня и Бой-Эда выступить в роли его официальных представителей. В то время как сценическое действие вызывало громадный энтузиазм аудитории, я и Бой-Эд подверглись во время антракта публичному оскорблению группой британских и американских журналистов, а зрелище бесчинств, производимых демонстрантами на улице перед театром, не оставляло никаких сомнений относительно пропасти, возникшей между двумя странами. Я понял: если эта атмосфера ненависти сгустится до состояния, требующего американского вмешательства, то это может обернуться для Германии катастрофой.

Достаточно пацифистски настроенный Брайан был заменен на посту государственного секретаря Лансингом, под

эгидой которого правительство Соединенных Штатов прибегло в это время к значительно более жесткой политике в отношении Германии. Ситуация казалась настолько серьезной, что вынудила Бой-Эда и меня отправиться в Вашингтон, чтобы убедить нашего посла возобновить свои нарушенные связи с Белым домом с тем, чтобы получить возможность обсудить все проблемы американо-германских отношений с президентом. Бернсторф был уже отчасти знаком с полковником Хаузом, но это не могло заменить прямого контакта. Я иногда присутствовал на встречах Бернсторфа с Хаузом; хотя полковник и поддерживал видимость полной объективности, не возникало сомнений, что Хауз симпатизирует союзникам. У меня было достаточно оснований предполагать, что он постоянно убеждает президента выступить в роли *arbiter mundi*¹⁹ в мировом конфликте. Подобно большинству американцев, он не понимал, что Европа может быть стабилизирующим фактором мировой политики только при условии сохранения достаточно сильных центральных держав, способных сдерживать славянские устремления. В вопросе о подводной войне он, кажется, не желал понять, что в военно-морской сфере Германия не является равным соперником союзников и использование ею субмарин служит только средством борьбы с союзной блокадой с целью достижения результатов на суше. Нынешняя озабоченность Советского Союза подводными вооружениями представля-

¹⁹ Мировой посредник (лат.). (Примеч. пер.)

ет собой просто еще один пример все той же стратегической концепции. Как и тогда, речь не идет о соперничестве в военно-морской сфере с Великобританией и Соединенными Штатами. Хауз не понимал этого, однако его влияние на Вильсона в те критические годы было, вероятно, решающим.

Обмен нотами по делу «Лузитании» повлиял на характер отношений между Германией и Соединенными Штатами вплоть до 1917 года, что усугублялось еще и другими инцидентами подобного рода. Наши искренние попытки смягчить напряженность натывались на скалы противоречий в вопросе о подводных лодках. Вдобавок Америка постепенно становилась, в финансовом и в материальном отношении, неистощимым арсеналом для наших врагов, вплоть до такого состояния, когда ее официально заявленный нейтралитет превратился не более чем в фикцию.

Схема взаимоотношений с «Бриджпорт проджектайл компани» работала великолепно, и все размещенные ею заказы исправно выполнялись. Ежемесячно из моего офиса Альберту, финансовому советнику, высылались счета для оплаты. Однажды вечером он, утомленный дневной работой, заснул на пути домой в поезде подземки. Его портфель, полный моих отчетов и накладных, был украден у него из-под руки и в конце концов оказался в распоряжении британской или американской разведки. Я обедал в Немецком клубе с двумя или тремя из своих друзей, когда внезапно явился

ужасно встревоженный Альберт и сообщил мне о происшествии. Мы предприняли все возможное, чтобы вернуть портфель, но успеха не добились. Три дня спустя газета «Нью-Йорк уорлд» поместила на своей первой полосе факсимиле некоторых из моих отчетов и продолжала такие публикации в течение недели. Сенсация получилась огромная. После того как схлынула первая волна раздражения по поводу «закулисных методов» вмешательства в работу американской промышленности вооружений, некоторые из наиболее смелых комментаторов нашли мужество заметить, что вся комбинация является, в сущности, совершенно легальной и может быть даже названа весьма остроумной. Тем не менее эти объективно настроенные люди составляли только меньшинство. Почти все остальные, а в особенности те, кто имел финансовый интерес в поставках для союзников, – банки, предприятия и сами британские и французские агенты-закупщики – были озлоблены вмешательством в свой бизнес. Наши контракты начали оспаривать, аннулировать или заменять другими «приоритетными» заказами, и нашему проекту пришел конец.

Когда генерал Фалькенгайн²⁰ прислал мне приказ предотвратить любой ценой поступление на Западный фронт американской военной продукции в то время, когда Германия пытается разгромить на востоке русских, в его телеграмме говорилось: «Если вам удастся сделать это, то вы сможете

²⁰ В то время – начальник германского Генерального штаба. (Примеч. пер.)

претендовать на значительную долю заслуг в завоевании нашей окончательной победы». Но его надежды на окончание войны в 1915 году не оправдались. Мой план не был рассчитан на длительный период и был бы в этом случае бесполезен, тем не менее до самого конца года в Европу было отправлено лишь очень незначительное количество американской военной продукции. Я, по крайней мере, мог испытывать удовлетворение, зная, что, несмотря на происшествие с украденными документами, мой план сослужил свою службу в течение периода, на который он был изначально рассчитан. В то время распространились слухи, которые не утихали и в последующие годы, о том, что бумаги были украдены у меня в момент допущенной мною фантастической небрежности. Я уверен, что мой друг Альберт не будет на меня в обиде за то, что я точно изобразил здесь существо дела. Ошибочная версия этих событий вновь появилась в печати всего три года назад в финансируемой американцами газете «Neue Zeitung», которая выходит в Мюнхене. Хотя я получил от Альберта данные им под присягой показания с изложением истинной версии, «Neue Zeitung» отказалась их опубликовать.

Возможно, мне стоит высказать несколько запоздалую признательность мистеру Ходли за его работу. Он претворил в жизнь наш план с тщательностью и ответственностью, столь характерными для американских деловых людей. Я даже не знал, был ли он по своим политическим взглядам

сторонником Германии. Я только запомнил, что после того, как кража документов сделала любые дальнейшие операции невозможными, Ходли однажды посетил меня с чеком на весьма значительную сумму. Он пояснил, что я, как основная фигура при составлении контрактов, имею законное право на комиссионное вознаграждение в размере полутора процентов от общей суммы сделок. Я был предельно изумлен и сказал ему, что для меня совершенно невозможно принять вознаграждение за заказы, сделанные мной от имени германского правительства. Теперь пришел черед удивляться мистеру Ходли. Он не мог понять моего отношения к этому делу и попытался уговорить меня принять чек. В конце концов я испросил у посла разрешения принять эти деньги для германского Красного Креста, на чей счет они и были своевременно переведены. Мистер Ходли был, кажется, несколько смущен таким неделовым отношением к своему предложению и презентовал мне взамен красивый портсигар, который я с благодарностью хранил как напоминание об оказанной им помощи. Его забрали у меня в 1945 году американские солдаты в качестве сувенира – заодно с остальной обстановкой моего дома.

Возможность использования незаконных методов для предотвращения отправки союзникам грузов оружия явно рассматривалась более благосклонно в Берлине, нежели Бернсторфом и мной. Достаточно много людей как в Германии, так и в Америке считали, кажется, вполне для себя

оправданным саботировать то, что они расценивали как нарушение нейтралитета, именно – поставки военной продукции только одной из воюющих сторон. Я получал по дюжине писем в день, многие из них – от *agents provocateurs*²¹ – с изложением способов воспрепятствовать этим поставкам. С самого начала мое мнение было таково, что все эти способы нельзя ни в коем случае считать приемлемыми. Основной проблемой после битвы на Марне и появления уверенности в скором окончании войны стала борьба с британской пропагандой, которая стремилась втянуть в конфликт Соединенные Штаты. Поэтому следовало всеми способами удерживать сторонников Германии от любых действий, которые противник мог бы использовать для достижения этой цели. Я был не в состоянии, конечно, предотвратить отдельные акты саботажа, проводимые людьми, вообразившими, что они служат германским интересам, или – еще того хуже – теми, кто потом похвалялся совершенным, поскольку некоторые из них именно так и поступали. На новых оружейных заводах происходили многочисленные несчастные случаи, что, вообще говоря, неудивительно, принимая во внимание большое количество занятых там низкоквалифицированных рабочих, и время от времени ко мне являлся кто-либо с утверждением, что именно он организовал тот или иной взрыв и потому заслуживает награждения Железным крестом. Мои архивы были полны упоминаний о подобных

²¹ Провокаторы (фр.). (Примеч. пер.)

претензиях.

Как я уже упоминал, 26 января 1915 года я получил сообщение, одобряющее проведение актов саботажа на территории Соединенных Штатов. Оно исходило от отдела ШВ (разведка и контрразведка) Генерального штаба, а не от военного министерства, перед которым я был ответствен. По предложению Кезмента они даже перечислили нескольких человек, которых можно было использовать для этой цели. Но, поскольку телеграмма содержала только *разрешение*, а не *приказ*, я проигнорировал это предложение, которое находилось в противоречии не только с политикой Бернсторфа, но и с моими собственными убеждениями.

Случаем, возбудившим наибольший общественный интерес, было дело капитана фон Ринтелена. Это был офицер запаса военно-морского флота, банкир по профессии. Он безупречно говорил по-английски, благодаря чему, предположительно, а также из-за его связей с Соединенными Штатами Верховное командование военно-морского флота и послало его в Америку в качестве своего агента. Однажды утром в начале апреля 1915 года дверь моей нью-йоркской конторы открылась, пропуская внутрь Ринтелена. Я никогда его раньше не видел. Он совершенно открыто сказал мне, что прибыл для проведения актов саботажа. Он намеревался для задержки отправки судов с оружием организовать стачку портовых грузчиков или подкладывать на эти суда бомбы, чтобы вывести их из строя в море. Вся эта история описана

в его книге «The Dark Invader» (Тайный захватчик)²², в которой я описан как «глупый, бестолковый интриган» и выставлен персонажем, вызывающим его негодование. Один эпизод не нашел отражения в книге. Когда во время нашей первой беседы Ринтелен закончил говорить, я сказал ему: «И вы, с такими планами в голове, сразу по прибытии в Соединенные Штаты наносите первый же визит германскому военному атташе! Неужели вы не понимаете, что всякого, кто заходит в эту контору, фотографируют и за каждым устанавливают наблюдение сотрудники британских или американских спецслужб?»

«Это не имеет ни малейшего значения, – ответил Ринтелен. – Я вовсе не намерен скрываться. На самом деле мне больше всего хотелось бы встретиться с президентом Вильсоном. Я бы хотел иметь с ним очень долгий разговор, и надеюсь, что вы сможете мне это организовать».

Я пришел в изумление. Для начала я попытался убедить его в том, что нет ни малейшей надежды на выполнение его планов и – что было даже важнее – малейшая попытка в этом направлении будет иметь наихудшие политические последствия для всех нас. Я постарался передать ему некоторое представление об общих настроениях в Соединенных Штатах, в чем он был не осведомлен, но успеха я не имел и понял, что он – человек ограниченного ума, невежественный во всем, что касается сложившейся в Америке ситуа-

²² *Удачный ход* (фр). (Примеч. пер.)

ции, к тому же одержимый честолюбивыми планами совершить ради Германии какой-нибудь великолепный *coup*²³. А его идея добиваться свидания с Вильсоном была почти за гранью здравого рассудка. Вне зависимости от того, что организация встречи с президентом была бы делом чрезвычайно сложным для кого бы то ни было, самое малое, к чему должен был стремиться человек с такими намерениями, как у Ринтелена, – это привлекать к себе как можно меньше внимания.

Я немедленно посоветовался со своим коллегой Бой-Эдом, и он согласился со мной, что в случае, если Ринтелен останется в стране достаточно долго для того, чтобы исполнить хоть что-нибудь из своих планов, последствия могут быть катастрофическими. С согласия Бой-Эда я отослал Верховному командованию телеграмму с просьбой потребовать от германского Адмиралтейства немедленного отзыва Ринтелена. Мы избрали такой подход к этому делу, поскольку пришли к выводу, что военно-морское начальство имеет, по всей вероятности, всецело ложное представление о политическом положении в Соединенных Штатах и об опасностях, связанных с деятельностью Ринтелена. Генеральный штаб, напротив, был полностью информирован об изменяющейся ситуации и одобрял мое мнение о том, что ограничение военных поставок должно проводиться исключительно законными методами. Бернсторф также нас поддержал, и ко-

²³ Удачный ход (фр). (Примеч. пер.)

дированная телеграмма была отправлена – связь с Германией была к тому времени уже восстановлена. Окончание этой истории есть в книге Ринтелена. Через несколько недель, за которые он успел продвинуться в выполнении своих планов касательно бомб и забастовок, он получил приказ о возвращении домой. Несмотря на то что он путешествовал с фальшивым паспортом, в середине июля 1915 года британцы сняли его с корабля в проливе Ла-Манш и позднее отправили назад в Соединенные Штаты, где он пошел под суд и был приговорен в Атланте к тюремному заключению. По окончании войны остаток его срока был аннулирован.

Судьба этого человека, движимого патриотическими мотивами, достойна сожаления, но это был риск, на который должен был идти каждый в его положении. Необычным здесь является то, что сам он не был готов принять на себя ответственность за провал своей миссии и предпочел найти козла отпущения. На эту роль подвернулся я. Он утверждает, что я отправил телеграмму, требовавшую его отзыва, «в открытую», чем и разоблачил его перед британцами. На деле же германский дипломатический шифр был к тому времени уже давно взломан британцами. К тому же более чем вероятно, что он и сам был несдержан в своих разговорах с посторонними так же, как он был несдержан в беседе со мной, и контрразведка очень скоро пронюхала о его деятельности.

То, что имена Ринтелена и мое собственное оказались связаны, объясняется, вероятно, следующим обстоятель-

ством. В конце 1914 года я произвел выплату немецкому химику доктору Шееле за его работу по исследованию процесса превращения в порошок нефти – продукта, в котором Германия испытывала недостаток. Мы надеялись импортировать его через нейтральные страны под видом искусственного удобрения и для этой цели создали завод под названием «Нью-Джерсийская сельскохозяйственная компания». Ринтелен разыскал этого человека, и в мае 1915 года Шееле приступил к изготовлению бомб и других устройств для установки на судах, которые перевозили оружие и военное снаряжение. Он занимался этим без моего разрешения, даже не поставив меня в известность. Когда я узнал о его деятельности, то послал жалобу в Берлин, в военное министерство. Остается только добавить, что в конце войны, когда комитет сената Соединенных Штатов проводил расследование примерно двухсот или трехсот случаев предполагаемого саботажа, вопрос о причастности к ним кого-либо из персонала германского посольства даже не поднимался.

Наши усилия по нахождению другой работы для уроженцев центральных держав, занятых в американской военной промышленности, привели к прискорбному происшествию. Многие из имевших отношение к этой программе лиц были гражданами Австро-Венгрии, и я попросил поддержки у Константина Думбы, посла Вены в Вашингтоне. Он оценил весь наш план как прекрасный и летом 1915 года ото-

слал своему правительству доклад, в котором рекомендовал оказать поддержку предлагаемым мной мероприятиям. В то же время он весьма вольно комментировал сомнительность нейтралитета американского правительства и рекомендовал предпринять все возможные шаги для противодействия такому положению вещей. Его доклад содержал одну фразу, которая, будучи вырванной из контекста, могла создать впечатление, будто мы намереваемся разрушить американскую экономику незаконными методами: «Мы можем дезорганизовать и затормозить на месяцы, если не навсегда, производство вооружения... что имеет, по мнению германского военного атташе, огромное значение и намного перевешивает те необходимые... небольшие денежные затраты». Этот доклад, вкупе с некоторыми другими из австрийского и германского посольств, был передан для доставки по назначению американскому журналисту по фамилии Арчибальд. Он был близким другом Думбы и австрийского генерального консула в Нью-Йорке господина фон Нубера. Арчибальду, считавшемуся человеком вполне надежным, была представлена возможность освещения войны с точки зрения германской стороны. Он уже находился на пути в Берлин, когда весь пакет находившихся при нем документов оказался в распоряжении британской военной разведки, а тексты донесений были отосланы назад в Соединенные Штаты, где их публикация породила взрыв ярости.

Мы долгое время подозревали, что Арчибальд проявил

в той или иной форме халатность, и лишь совсем недавно я узнал, что же произошло тогда на самом деле. Полный отчет об этом деле дан в книге под названием «Spy and Counter-Spy» («Шпион и контрразведчик») капитана Фоски, чеха по национальности. Во время Первой мировой войны Фоска работал в тесном контакте с капитаном 1-го ранга (впоследствии адмиралом и сэром) Гаем Гаунтом, британским военно-морским атташе в Вашингтоне, который преуспел во внедрении агентов чехов в австрийское генеральное консульство в Нью-Йорке. Доклад Думбы, который вызвал все неприятности, был написан послом, который находился тогда в Нью-Йорке, в кабинете у Нубера. Пакет документов для Арчибальда составлялся в генеральном консульстве, и очень скоро полный отчет об их содержании и о способе отправки оказался в руках Гаунта, который немедленно переправил его в Лондон в военно-морскую разведку. Остальное уже было делом техники. Когда голландский лайнер «Роттердам» прибыл в Фалмут, он был должным образом обыскан, документы обнаружены и изъяты вопреки протестам Арчибальда.

Как и в большинстве шпионских историй, в книге Фоски делается попытка преувеличить значение его действительных успехов, дополнив их некоторыми фантастическими эпизодами. В данном случае он приводит подробности, касающиеся пустотелой трости, предназначавшейся для хранения наиболее секретных документов, якобы переданной ему

неким графом Линаром, германским офицером, застрелявшим в Америке в начале войны. Он действительно вполне мог подарить Арчибальду трость, обычный предмет «снаряжения» джентльмена той эпохи, в благодарность за доставку письма своей жене. Во всяком случае, эта трость так и не была найдена, хотя о ней упоминалось в депеше Гаунта и корабль с целью ее обнаружения был тщательно обыскан.

Британское правительство опубликовало «Белую книгу», основанную на содержании документов Арчибальда. В нее был включен и мой доклад германскому военному министерству по вопросу о пропаже «документов Альберта» и копия составленного мной же меморандума по этому вопросу, который граф Бернсторф передал в Государственный департамент. В докладе ясно говорилось, что мы не предпринимали попыток скупить американские заводы по производству военного снаряжения, как это утверждала пресса. Напротив, мы утверждали, «что германское правительство готово в любой момент – в действительности будет радо – продать и передать в распоряжение правительству Соединенных Штатов полностью или частично приобретенную продукцию... С германской точки зрения, закупка в настоящий момент германским правительством оружия, произведенного в Соединенных Штатах, хотя и приводит к потерям значительных денежных сумм, является оправданной с точки зрения гуманитарного эффекта от этих закупок в части спасения жизни германских солдат, которые, окажись это оружие в распоря-

жении союзников, могли бы быть с его помощью убиты или ранены. (Подписано) *Папен*».

Более всего неприятностей нам доставил вовсе не официальный доклад. Среди прочего я просил Арчибальда отвезти мое личное письмо жене. В нем я использовал не вполне парламентские выражения, касавшиеся этих «безмозглых янки», и пресса проявила к этой фразе повышенный интерес, не указывая контекста, в котором она была написана. Тем не менее подробности дела Альберта мало что добавляли к тому, что уже было известно по этому вопросу. Главный скандал разгорелся вокруг доклада посла Думбы. Его обвинили в намерении расстроить военное производство с помощью забастовок и иных незаконных методов. Хотя это совершенно не соответствовало действительности, Государственный департамент объявил посла *persona non grata* и потребовал его немедленного отзыва. Его отъезд стал очень большой потерей для центральных держав и тяжелым ударом для меня лично. Он всегда был исключительно любезен со мной, и в 1934 году, когда я отправился в Вену, мы возобновили наши дружеские отношения, и он не раз оказывал мне помощь.

В результате дела Думбы я попал под массированный огонь и вместе с моим коллегой Бой-Эдом стал мишенью бешеной кампании в американской прессе и других местах. «Уголовные методы», применяемые германскими агентами для создания препятствий производству и поставкам союзникам военной продукции, стали предметом сенсационных

публикаций. Рассматриваемое в совокупности с откровениями, содержащимися в бумагах Альберта, это дело привело к возобновлению усилий союзных представителей сделать мое дальнейшее пребывание в Соединенных Штатах невозможным. Попытка диверсии на канале Велланд и изготовление фальшивых паспортов мне не вменялись, но, несмотря на это, одно незначительное происшествие осенью 1915 года ясно показало, какого накала достигла направленная против меня кампания. В сентябре я получил от военного губернатора Нью-Йорка, генерала Леонарда Вуда, приглашение к чаю. Он был одним из наиболее уважаемых военных в Соединенных Штатах, и я уже упоминал, как близко познакомился с ним благодаря утренним верховым прогулкам в парке Рок-Крик в Вашингтоне. Я отправился к нему домой на Губернаторский остров, где он в первую очередь продемонстрировал мне планы подрыва нью-йоркской подземки и портовых сооружений, которые, по утверждению американской военной разведки, были найдены у меня в конторе. Вдвоем мы хорошенько повеселились по этому поводу, и я воспользовался случаем, чтобы откровенно обсудить с ним ситуацию в целом и в особенности посетовать на кампанию травли, жертвой которой я стал. Я сказал ему, что все приписываемые мне намерения просто смехотворны. Нам потребовались бы тысячи агентов в придачу к небольшой армии, чтобы преодолеть сопротивление охраны различных объектов, нападение на которые я будто бы замышлял. Подспуд-

ным мотивом всей этой кампании являлась подготовка общественного мнения Америки к объявлению войны. Генерал Вуд согласился со мной, и я заверил его, что не стану предпринимать сам и не буду поощрять кого бы то ни было другого к действиям, которые могли бы нанести ущерб интересам наших двух стран.

И все же волнение в обществе, вызванное публикацией доклада Думбы, делало мою дальнейшую деятельность в Соединенных Штатах крайне затруднительной. Наконец в декабре 1915 года я и Бой-Эд стали жертвами кампании, организованной против нас союзниками. Американское правительство сочло для себя удобным склониться перед волной критики, направленной против центральных держав, и объявило нас обоих персонами *non grata*. Когда германское правительство запросило о причинах такого шага, ему было сообщено, что мы занимались «неподобающей деятельностью в военной и военно-морской областях». На деле же никаких определенных обвинений против нас не выдвигалось.

Откровенно говоря, я был чрезвычайно доволен, когда, наконец, пришла развязка. Я был обыкновенным солдатом и всегда чувствовал себя неловко за конторским столом в то время, когда моя страна боролась за свое существование. К тому же возвращение домой давало мне возможность полностью отчитаться об изменениях ситуации, происшедших в Соединенных Штатах за полтора года войны. Я твердо решил предупредить руководителей максимально доступного

для меня уровня об опасности принимаемых ими политических решений, в особенности касающихся подводной войны и вытекающих отсюда фатальных последствий. В эти тяжелые полтора года я старался служить своей стране на пределе своих способностей. Но я был солдатом, а не дипломатом. И я мало заботился о собственной безопасности. Моя жизнь была бы намного проще, если бы я не шел на риск и работал вдалеке от линии фронта под защитой дипломатической неприкосновенности. По крайней мере, я ясно понял опасность для Германии чересчур тесных связей между Америкой и западными союзниками. Вступление в войну Соединенных Штатов могло только ускорить наше поражение. И я твердо решил довести эту свою уверенность до сведения лиц, ответственных за формирование политики моего правительства.

Глава 4

Возвращение в Германию

Инцидент в Фалмуте. – «Белая книга». – Дело «Черного Тома». – Беседы в Берлине. – Недовольство кайзера. – Я возвращаюсь в полк

Я пересек Атлантический океан штормовой зимой на пароходе «Нордам». Мы зашли в Фалмут, и там, во время стоянки, несмотря на то что я путешествовал с охранным свидетельством, к двери моей каюты приставили часового, а мой багаж был самым тщательным образом обыскан. Все документы были изъяты. Ответа на телеграмму протеста, которую я отправил американскому послу в Лондоне мистеру Пэйджу с жалобой на нарушение моей дипломатической неприкосновенности, не последовало. Все же большая часть изъятых документов была мне примерно через два месяца переслана. Возвращены были, среди прочего, мои личные банковские декларации и корешки чеков, которые, по всей вероятности, были расценены британцами как первоклассный материал для их пропагандистской кампании. Не следует забывать, что в этот период Соединенные Штаты еще не решили связать свою судьбу с союзными державами. Поэтому британская пропагандистская машина концентрировала все свои усилия на попытках убедить американское об-

щественное мнение в «преступных» намерениях Германии. Громадные старания употреблялись на то, чтобы представить Германию страной, пренебрегающей любыми законами и правилами морали. При этом ясно давалось понять, что такая система может быть уничтожена только при помощи объединения всех свободолюбивых народов мира для полного истребления врага рода человеческого.

В тот момент мы в Германии посчитали удобным объявить платежи, показанные в корешках чеков, моими личными издержками, например такими, как оплата услуг прачечной. В действительности по многим из них можно было судить о характере моей деятельности в Соединенных Штатах, хотя их важность была сильно преувеличена. Среди прочего там были указаны две выплаты Бриджмен-Тейлору, он же фон дер Гольц, он же Вахендорф, в связи с делом канала Велланд. Также упоминалась выплата Вернеру Горну, который пытался уничтожить мост Вэнсборо. Фигурировал среди получателей денег и некий Касерта, который, предположительно, оказывал помощь Бриджмен-Тейлору и Горну из Оттавы. Большинство остальных чеков представляли собой выплату жалованья фон Игелю и фон Шкале, моим помощникам в конторе военного атташе. Кроме того, были чеки на имя фон Веделла, отвечавшего за изготовление и выдачу фальшивых паспортов тем германским гражданам, которых мы старались нелегально вернуть домой для службы в вооруженных силах. И еще два чека привлекали повышенное вни-

мание. Один из них на 68 долларов на имя представителя Круппа Таушера за небольшую партию пикриновой кислоты. Насколько я помню, она была передана Горну для нужд его канадского предприятия. Она, безусловно, не использовалась для незаконной деятельности на территории Соединенных Штатов. Много шума было поднято вокруг чека на 19 долларов для специалиста по взрывчатым веществам по фамилии Хёген, на нем была пометка «исследование дум-дум», которая рассматривалась как доказательство того, что я сделал заказ на изготовление этих разрывных пуль. В действительности же дело обстояло иначе. У нас были основания предполагать, что русские разместили заказ на этот тип боеприпасов, и мне удалось раздобыть образец для анализа.

Резонно спросить, почему я имел при себе столь компрометирующие материалы. Причин тому было две. Во-первых, я предполагал, что действие выданного мне охранного свидетельства распространяется и на мои личные вещи. Это предположение, как видно, не отвечало британскому истолкованию международных правил ведения войны. Кроме того, я был обязан отчитаться в каждом пфенниге, потраченном мной в Соединенных Штатах. Германские власти очень строги в таких вопросах и требуют предоставления подробных денежных отчетов. Было бы намного лучше, если бы в данном случае они отбросили свои требования, поскольку этими самыми денежными подробностями британцы заполнили свою «Белую книгу» и сумели заработать на этом зна-

чительный пропагандистский капитал.

Курьезный эпизод, произошедший со мной на последнем этапе путешествия, связан с пассажиром-англичанином, который погрузился на корабль в Фалмуте и плыл вместе со мной до Роттердама. Он дал мне понять, что является важным представителем британского правительства, и попросил дать знать в Берлине, что Британия заинтересована в заключении мира. Германия должна будет вывести войска из Франции и Бельгии и в каком-либо виде восстановить Польское государство. Я заметил, что едва ли есть надежда на то, что Россия согласится на независимость Польши, но готов взять на себя труд по приезде в Берлин изучить все возможности. Я не могу вспомнить фамилию этого джентльмена, да и не имею оснований предполагать, что он сообщил мне подлинную. Так или иначе, из этого дела ничего не вышло.

Чтобы закруглить свои воспоминания о происшедшем со мной в Соединенных Штатах, я бы хотел разобраться с одним из самых противоречивых событий той войны. Для этого потребуется перенестись вперед во времени, но, поскольку отголоски событий ощущались еще долго и в мирное время, возможно, что здесь такой разбор не будет столь уж неуместен. Я имею в виду то, что впоследствии получило название дела «Черного Тома». Утверждалось, что в июле 1916-го и в январе 1917 года германские агенты якобы устроили серию взрывов на сортировочных станциях, принадлежавших Железнодорожной компании долины

Лейг, после которых эта фирма вкупе с Канадской вагоностроительной и литейной компанией предъявила германскому правительству иск на сумму в 40 миллионов долларов за причиненный ущерб. Причем в организации данного дела обвинили меня. Возможно, такое обвинение очень хорошо стыковалось с приобретенной мною репутацией, но для доказательства моей причастности к диверсиям этого было явно недостаточно. Упомянутые взрывы, произошедшие, как предполагалось, вследствие актов саботажа, а более вероятно – из-за самовозгорания боеприпасов, имели место спустя соответственно семь и тринадцать месяцев после моего отъезда из Соединенных Штатов. Но заинтересованные компании приложили массу усилий, чтобы доказать, будто бы я получал официальные инструкции о проведении таких вредительских действий и что «мои» агенты ответственны за их выполнение.

Через несколько лет после войны, ведя в Вестфалии жизнь сельского джентльмена, я неожиданно получил из германского министерства иностранных дел большой пакет документов с просьбой вернуть их с собственными комментариями. Среди прочего там имелась подборка будто бы данных под присягой свидетельств о моей личной жизни в Нью-Йорке в 1915 году. Содержание этих документов заставило меня как следует повеселиться. В них делалась попытка доказать, что я вел весьма распущенный образ жизни и имел открытую связь с некоей американской девицей, имевшей

обыкновение сопровождать меня во время утренних конных прогулок в Центральном парке. Сообщалось, что мы проводили почти непрерывную серию званных вечеров, на которых присутствовало множество наших друзей – естественно, сплошь тайных агентов – в сопровождении своих любовниц. Оказывается, в 1915 году я устроил такой вечер в одном из борделей в деловой части города, где гостям подавалось шампанское, а я поднимал бокалы за здоровье кайзера и за нашу победу. Особо указывалось, что при этом присутствовал граф Бернсторф и еще один гость, который и был тем человеком, который спустя длительное время после моего отъезда из Соединенных Штатов организовал взрывы в долине Лейг.

Я сделал под присягой заявление, что все представленные мне свидетельские показания, в особенности же одно, датированное 14 февраля 1925 года, данное некоей Миной Рейсс, урожденной Эдвардс, известной также как «девушка Истмена», являются от начала до конца чистейшей воды вымыслом. Я никогда в жизни не был знаком с этой молодой женщиной, и ни я, ни Бой-Эд не водили ее в дом № 123 по Западной 15-й улице, занимаемый некой миссис Гордон или миссис Гельдт. Как этот адрес, так и проживающие по нему люди мне совершенно неизвестны. Другой нелепостью является утверждение, касающееся моих верховых прогулок в Центральном парке. Лошадь, которую я действительно нанимал в Академии верховой езды Центрального парка, не перено-

сила близкого соседства других лошадей, из-за чего на ней приходилось ездить исключительно в одиночку.

Когда истцы обнаружили, что мое соучастие в деле доказать не так-то просто, они представили копию приказа, который, по их утверждению, я получил от германского Генерального штаба, предписывавший мне проведение актов саботажа. И опять-таки опровергнуть этот документ оказалось относительно просто. Я сделал под присягой заявление, в котором говорилось: «Приписываемое мне участие в указанных актах саботажа основывается на документе, описанном как «Циркуляр Генерального штаба военным атташе в Соединенных Штатах», датированный 15 января 1915 года. В упомянутом документе имеется ссылка на предыдущий документ, датированный 2 ноября 1914 года, разрешающий мне подстрекательство к забастовкам и совершение диверсионных актов на заводах и в иных местах. Я никогда не получал ни одной из этих инструкций; они являются очевидными фальшивками. Ни один офицер по фамилии Фишер, подпись которого на них фигурирует, никогда не занимал в Генеральном штабе или в военном министерстве должностей, дающих право на подготовку подобных документов. Более того, никогда не существовало должности или ранга, поименованного как «Generalt des deutschen Heeres» (Генеральный советник германской армии). Вдобавок ко всему, второй циркуляр адресован военным атташе во множественном числе и мог, таким образом, быть сфабрикован только

лицом, не имеющим представления о том, что в действительности военный атташе был только один. Далее я указывал, что остальное содержание циркуляра не имеет ничего общего с фактами. В нем упоминались германские банки, отделения которых в Соединенных Штатах якобы открыли для меня неограниченный кредит для оплаты диверсионных актов. Если и существовали германские банки, действительно имевшие свои отделения в Соединенных Штатах, то ни один из них никогда не предоставлял мне никакого кредита. Все денежные средства, использовавшиеся при проведении наших коммерческих операций, передавались в мое распоряжение в соответствии с правилами Альбертом, нашим коммерческим атташе.

Я могу только предполагать, что люди, проводившие расследование для Железнодорожной компании долины Лейг, каким-то образом прознали о депеше, полученной мной 26 января 1915 года от отдела ШВ Генерального штаба, в которой содержались некоторые из предложений, сделанных в Берлине сэром Роджером Кезментом. Поскольку самого документа в их распоряжении не было, они сочли необходимым реконструировать для своих нужд нечто на него похожее. В любом случае, в этой депеше содержалось только разрешение, а не приказ на проведение диверсий, и, как я уже ясно указывал, никаких действий по этому поводу мной предпринято не было.

Все документы, изъятые у меня британскими властями

в Фалмуте при возвращении в Германию, были впоследствии использованы в качестве доказательств в тяжбе по делу «Черного Тома». Они покрывали все аспекты моей деятельности в Соединенных Штатах, но ни один из них не содержал ни малейшего указания на мое участие в диверсионных актах. И тем не менее, чтобы возложить на мои плечи ответственность за взрывы, были использованы все мыслимые юридические уловки. На протяжении нескольких лет находилось множество самых различных людей, готовых присягнуть, что именно они являлись теми агентами, которые устроили взрывы по приказу германского правительства. Одно время германский министр иностранных дел д-р Штрессман был, казалось, готов выплатить известную сумму в возмещение ущерба. Кто-то сказал ему, что урегулирование этого вопроса положительно скажется на взаимоотношениях Соединенных Штатов и Германии. В тот момент такое предложение звучало весьма заманчиво. К счастью, я узнал о его намерениях. Я посетил его и сказал, что, по моему мнению, оснований для такого компромисса не имеется: Германия не может нести в этом вопросе какой бы то ни было ответственности. Тем не менее он настаивал, что политическая выгода от подобного шага перевесит финансовые потери. Тогда мне пришлось сообщить ему, что я буду вынужден внести в рейхстаг жалобу по поводу такого умышленного разбазаривания общественных денег. В результате он решил ничего не платить, и в 1930 году Смешанная комиссия по претензиям,

образованная для разрешения этого вопроса, отвергла иск с взысканием с истцов судебных издержек.

Это, однако, не поставило на этом деле точку. Еще два раза предоставлялись новые материалы, но комиссия дважды – в марте 1931-го и в ноябре 1932 года – снова решила вопрос в пользу Германии. Один из моих американских друзей сообщил мне, что адвокат, представлявший Железнодорожную компанию долины Лейг, уже получил от нее гонораров примерно на миллион долларов. А потому было совсем неудивительно, что дело продолжало тянуться. В очередной раз нашлись еще свидетели, и дело было снова возобновлено. Тем временем в Германии к власти пришли нацисты, и в ходе переговоров с некими полуофициальными представителями истцов им было сообщено, что выплата 40 миллионов долларов отступных может существенно расположить американское общественное мнение в пользу нового германского режима. Нацисты ничего не понимали в международных делах и, в своем невежестве относительно положения в Соединенных Штатах, ухватились за это предложение еще сильнее, чем доктор Штреземан. Одним из членов комиссии с американской стороны был мистер Джон Макклоу, ныне являющийся американским верховным комиссаром в Германии, а в то время сотрудник юридической фирмы «Крават де Герсдорф, Свэйн и Вуд». Я не имел ни малейшего представления о ходе всего процесса, хотя и являлся тогда в правительстве вице-канцлером и мог бы ожидать, как лицо, наибо-

лее часто упоминаемое в деле, что со мной проконсультируются. Как— то раз министр иностранных дел Нейрат попросил меня зайти к нему и показал текст соглашения, заключенного между Железнодорожной компанией долины Лейп и германским правительством, от имени которого документ был подписан неким господином фон Пфеффером. В нем говорилось о готовности германского правительства прекратить тяжбу, выплатив истцам возмещение ущерба. Этот документ привел и меня и Нейрата в полное замешательство. Пфеффер был одним из доверенных лиц Гитлера и постоянным членом его близкого окружения, но по своему положению никоим образом не имел права подписывать такие соглашения от имени германского правительства. Я попросил Нейрата изучить протоколы переговоров; впоследствии он несколько раз говорил с Гитлером, пытаясь аннулировать это соглашение.

Примерно в это же время в Берлине объявился Ринтелен. Мне сообщили, что американцы обратились к нему в надежде получить показания от агентов. Я думаю, что к тому моменту он уже стал британским подданным; в противном случае, как мне кажется, его деятельность можно было бы расценить как государственную измену. Он тоже был занят тяжбой с германским правительством по поводу компенсации за свое тюремное заключение в Атланте во время войны. Он не добился успеха ни в одном из своих предприятий и возвратился в Лондон, чтобы написать вторую книгу, «The Return

of the Dark Invader» («Возвращение тайного захватчика»), вновь составленную в основном из направленных против меня обвинений. Я уверен, что к тому времени его нервная энергия совершенно истощилась и он не мог уже вполне отвечать за свои слова и поступки.

В дни, предшествовавшие моему назначению на пост канцлера, меня посетил в нашем сельском доме в Вестфалии некий американский джентльмен, назвавшийся представителем Железнодорожной компании долины Лейг. Я не стану называть его имени, поскольку оно было, вероятнее всего, вымышленным. Он заявил, что дело «Черного Тома» можно легко урегулировать к удовлетворению обеих (!) сторон, если я только соглашусь присягнуть, что знал о том, что некий агент состоял на службе у германского правительства. Это вовсе не будет подразумевать мою собственную личную ответственность по делу, сказал он и дал ясно понять, что моя помощь будет подобающим образом вознаграждена. Оглядев наше скромное хозяйство, он заметил: «Вы сможете тогда поселиться в доме в три раза больше этого, оснащенном всеми современными удобствами». Я ответил ему, что очень люблю свой дом и к тому же мне неизвестен ни один агент, который мог бы ему пригодиться.

Позднее, по мере того как отношения между нацистским правительством и Соединенными Штатами становились все более напряженными, германский представитель в Смешанной комиссии по претензиям доктор Хойкинг подал в отстав-

ку. Железно— дорожная компания долины Лейг в очередной раз возобновила дело в мае 1939 года, и оно было решено в ее пользу, но без определения суммы ущерба. Таким образом, можно считать, что дело «Черного Тома» по-прежнему не закрыто, и таинственные связи, налаженные мной в бытность «супершпионом», по всей вероятности, все еще пачкают мою репутацию в Соединенных Штатах. Невредно будет поэтому привести здесь данное мной под присягой заявление, сделанное в присутствии нотариуса 27 ноября 1927 года, когда германское правительство впервые затребовало мои показания по данному вопросу:

«Никогда, ни при каких обстоятельствах, ни устно, ни письменно, ни тайно, ни советом, ни приказом, указанием или разрешением, я не способствовал разрушению заводов или складов военного снаряжения; равно как никоим образом не поддерживал и не способствовал таковым планам других лиц. Обвинения меня в том, что я насильственными или незаконными методами препятствовал функционированию американской промышленности по производству вооружений, являются, таким образом, полностью безосновательными. Большинство лиц, упомянутых американскими истцами в качестве членов предполагаемой диверсионной организации, совершенно мне неизвестны. С некоторыми другими из числа упомянутых лиц я был знаком, но исключительно в связи с деятельностью, никоим образом не имеющей отношения к производству диверсионных

действий против американской собственности. Что же касается инцидентов на терминале «Черный Том» и на заводе «Кингсленд», то могу только засвидетельствовать, что впервые узнал названия обоих этих пунктов из американских судебных постановлений. Взрывы в этих пунктах имели место через соответственно семь и тринадцать месяцев после моего отъезда из Соединенных Штатов, и я ни прямо, ни косвенно не имею к ним никакого касательства».

Однако возвратимся к моей собственной истории. Я прибыл в Германию 6 января 1916 года и встретился со своей семьей впервые более чем за два года. В Берлине я узнал, что приобрел репутацию человека, сделавшего все возможное в его положении для защиты Германии от неблагоприятного отношения нарушающих свой нейтралитет Соединенных Штатов. Я оказался первым официальным лицом, вернувшимся в Германию после того, как провел в Соединенных Штатах весь период от самого начала войны, и на мои доклады образовался большой спрос. Начальник германского Генерального штаба, генерал фон Фалькенгайн, потребовал меня к себе почти сразу же после моего возвращения. Я провел с ним несколько часов, давая подробный отчет о настроениях в Соединенных Штатах, главных спорных вопросах и о перспективах на будущее. Фалькенгайн выразил мне благодарность за все, что я сделал для замедления поставок врагу военного снаряжения, и одобрил все предпринятые мной меры. Тем не менее его планы относительно окончания вой-

ны в 1915 году ни к чему не привели, и он усматривал мало надежды на ограничение последствий все возрастающей американской помощи союзникам.

В своем докладе я сделал особый упор на колоссальный промышленный потенциал Америки, который, указывая я, может обеспечить производство практически любого желаемого количества продукции. Проблема сводилась только к финансированию. Единственный остававшийся открытым вопрос состоял в масштабах кредитов, которые Соединенные Штаты готовы были предоставить. Союзники старались употребить все мыслимые способы для втягивания Соединенных Штатов в войну. А потому, по моему глубокому убеждению, следовало проявлять величайшую заботу о сохранении, насколько это возможно, дружественных отношений между Соединенными Штатами и Германией. Германские агенты не должны предпринимать никаких попыток саботажа, Германия должна сделать заявление, что противоречия в вопросе подобающего использования подводных лодок будут разрешены, и не предпринимать попыток ведения неограниченной подводной войны. Я постарался объяснить генералу, насколько сильно повлияло потопление «Лузитании» на увеличение враждебности к Германии в общественном мнении Соединенных Штатов. Он разделял общее мнение наших соотечественников, что подобное отношение к нам неправомерно, и не мог понять, как может государство, в формировании которого люди германского происхожде-

ния играли столь значительную роль, отдавать все свои симпатии противоположному лагерю. Я сказал ему, что, если бы в Соединенных Штатах был проведен сейчас референдум, он наверняка продемонстрировал бы явное одобрение большинством населения политики нейтралитета, а между тем 90 процентов органов прессы симпатизируют союзникам. Одна-две серьезные политические ошибки со стороны Германии неизбежно приведут большинство людей в Америке к одобрению объявления войны. Кроме того, Соединенные Штаты являются морской державой, и, хотя их возможности в этом отношении не получили еще должного развития, они разделяют британскую концепцию свободы мореплавания. Я был абсолютно убежден в том, что наши методы ведения подводной войны в конце концов неминуемо приведут к открытому конфликту, если только не будет предпринято попыток внести в них необходимые коррективы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.